

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

ЛИКВИДАЦИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ
ОТСТРЕЛА НЕГОДЯЕВ

Василий Васильевич Головачев
Ликвидация последствий
отстрела негодяев
Серия «Абсолютное оружие»
Серия «Отстрел негодяев», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51408973

В. В. Головачёв. Ликвидация последствий отстрела негодяев: ООО

«Издательство «Эксмо»; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-108271-0

Аннотация

Операция по устранению президента России провалена. Даже случайность сыграла против тех, кто решил во что бы то ни стало заменить пусть и не идеальный порядок в стране хаосом и революционной бойней. Но кукловоды из Бильдербергского клуба не отступают, задействуя резервный план и своих ставленников в верхних эшелонах власти. Группа особого назначения майора Барсова расформирована, сам он отправлен в отставку, и, судя по всему, принято решение ликвидировать упрямого майора и его неугомонных соратников. Им остается одно – начать.

Содержание

Композиция 1. Contra	5
Композиция 2. Адреналин	41
Композиция 3. Пенсионер на распутье	80
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Василий Головачёв

Ликвидация последствий отстрела негодяев

© Головачёв В. В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Композиция 1. Contra

Россия. Европа

Вертолёт приземлился прямо в центре усадьбы, принадлежавшей командующему Национальной гвардией России генералу Лавецкому, на хорошо оборудованной площадке для приёма винтокрылых машин и беспилотников.

Сама усадьба располагалась в посёлке Озёрный, в двух километрах от знаменитой Жуковки, где предпочитали селиться миллионеры, бизнесмены, владельцы компаний, генералы армии и высокопоставленные чиновники. Поместье Лавецкого представляло собой комплекс строений на краю Озёрного, практически в лесу, окружённый трёхметровым забором. Всего на территории в два гектара стояли пять коттеджей и построек разного назначения, главным из которых был трёхэтажный особняк, не уступавший роскошным фасадам президентскому дворцу в Ново-Огарёво.

Юрий Филиппович отметил это для себя, шагая от вертолёта к особняку в сопровождении четырёх телохранителей и задёргивая «молнию» куртки: несмотря на то что конец июня в этом году случился довольно жарким (температура воздуха днём поднималась до двадцати восьми градусов), по ночам было холодно, а сейчас шёл третий час ночи.

У главного входа в коттедж президента ожидали несколько человек в камуфляже и без, в том числе полковник Гара-

нин, командующий силами специального назначения (ССО) Росгвардии.

– Где он? – остановился Юрий Филиппович перед встречающими.

– Внутри, – глухо сказал Гаранин.

– Допросили?

– Он... мёртв, – после паузы ответил полковник. Добавил торопливо: – Дрался до последнего, уговорить сдаться мы его не смогли.

– Показывайте.

Встречающие расступились, и президента провели в холл здания, а потом в кабинет Лавецкого.

Кабинет был просторен и обставлен старинной мебелью, выглядевшей как настоящий антиквариат. В нём свободно разместились два кожаных дивана – чёрного и белого цвета, громадный стол из красного дерева с гнутыми ножками в форме медвежьих лап, шесть стульев, два кресла, спинки и сиденья которых были обтянуты материалом с красным ворсом, книжные шкафы, забитые рядами фолиантов с золотым и серебряным тиснением, и стеклянный шкаф с разными сувенирами.

На стене за столом висел портрет президента России, выполненный в виде старинной иконы. Только в отличие от оригинала, полысевшего в свои пятьдесят два года, изображённый на полотне Кондратов имел роскошную седую шевелюру.

Глянув на «себя», Юрий Филиппович невольно усмехнулся:

– У меня и в молодости таких волос не было.

Провожающие президента промолчали.

Лавецкий лежал на чёрном диване глыбой серого бетона. На лице генерала так и сохранилось выражение удивления. Его прикрыли простынёй, из-под которой свешивалась окровавленная рука со скрюченными пальцами, доставая до пола.

– Как это произошло? – поинтересовался Юрий Филиппович, удовлетворившись осмотром тела.

Среди людей, набившихся в кабинет, прошло движение.

Гаранин поискал кого-то глазами:

– Майор...

Из-за спин собравшихся вышел крупногабаритный мужчина с волевым лицом и серыми стальными глазами. Представился:

– Майор Барсов, отряд ГОН...

– Я помню, – перебил его президент. – Почему не взяли генерала живым?

– Виноват, не получилось.

К Барсову присоединился ещё один высокий, под метр девяносто пять, мужчина такой же комплекции, но гораздо старше, с бритой головой и серо-голубыми глазами, в которых стыли сдержанная сила, уверенность в себе и предостережение. Он являл собой пример человека, отвечающего за свои слова. Про таких обычно говорят: лучше быть в числе

их друзей. Лицо мужчины хранило следы драки.

– Калёнов, полковник ГРУ в отставке, – сказал он низким баритоном. – Это моя вина, Юрий Филиппович, я догнал генерала в подземном бункере, но не смог задержать мягко.

– Лавецкий – мастер боя, – проговорил Гаранин с угрюмым сожалением. – В молодости был чемпионом России и Европы по боям без правил.

Президент оценивающе оглядел фигуру Калёнова:

– Я так понимаю, вы тоже занимались каким-то видом единоборств? Иначе не справились бы?

– Всего лишь боевым самбо, – сдержанно повёл плечом бывший полковник.

– Всего лишь, – усмехнулся Юрий Филиппович. – Мой предшественник тоже занимался борьбой, имел дан по дзюдо и мог за себя постоять. А я вот только в футбол бегаю. Ладно, потом расскажете подробнее, как всё было. Показывайте бункер.

– Опасно, Юрий Филиппович... – проговорил Гаранин.

– Показывайте.

Его повели в подвал.

Сопровождавшие – трое – остановились перед открытой металлической дверью толщиной в двадцать сантиметров. Первым в помещение за дверью вошёл Барсов, отодвинув мужчину в камуфляже. За ним шагнул телохранитель, затем президент, и все оказались в тесном помещении кубической формы с серыми бетонными стенами, одна из которых пред-

ставляла собой вход в кабину лифта. Дверца лифта тоже была открыта. В остальных стенах на уровне груди человека виднелись отверстия диаметром в три сантиметра.

Президент понял, что это отверстия для стрельбы из пулемётов. Покачал головой, представляя, что здесь творится во время стрельбы.

– Лифт?

– Так точно, Юрий Филиппович. Бункер находится на глубине ста метров, – сказал Гаранин.

– Работает?

– Так точно.

– Поехали.

– Лифт рассчитан всего на четверых человек.

Президент глянул на одного из своих молодых рослых телохранителей.

– Саша, пойдёшь со мной.

– Кто ещё? – скупое обронил скуластый здоровяк.

– Вы, – кивнул президент на Гаранина, – и вы. – Кивок на Барсова.

– Хорошо.

Четверо заняли кабину, дверцы закрылись, и она провалилась вниз с нарастающей скоростью, так что желудок президента устремился к горлу.

Заметив, как изменилось лицо подопечного, телохранитель подставил ему руку, но президент усилием воли справился с реакцией вестибулярного аппарата на падение каби-

ны лифта вниз.

– Он не регулируется? – спросил Юрий Филиппович, имея в виду скорость движения кабины.

– Не разобрались, – виновато ответил Гаранин.

Через десять секунд кабина остановилась.

Первыми вышли командиры ГОН, за ними телохранитель Саша и последним Юрий Филиппович. Огляделся, подняв брови.

Перед взором президента предстала станция метро в миниатюре, только не облагороженная современным дизайном. Были видны каменные с виду неширокие дуги, заменявшие тубинги, которые и образовывали полукруглый потолок, переходивший в стены. Радиус получившегося помещения достигал пяти метров, длина около полусотни. Освещалась станция этого «метро» двумя вертикальными люминесцентными на одной из стен.

У перрона стоял один-единственный вагон длиной метров двадцать, без окон, выкрашенный в серый цвет и напоминавший не то подводную лодку, не то ракету без стабилизаторов. По центру вагона располагалась дверь, возле которой копошились у тележки с какими-то приборами и развёрнутым компьютером двое молодых людей в камуфляже. Увидев гостей, они выпрямились, встали по стойке «смирно».

Гаранин жестом показал им: отойдите.

– Что это? – проговорил Юрий Филиппович.

– Ветка секретного метро, – сказал Гаранин.

– Советских времён, что ли? Мне об этом ничего не известно.

– По нашим данным, тоннель создан ещё во времена войны Гипербореи и Атлантиды, то есть не менее десяти тысяч лет назад. Но сама станция оборудована недавно, после войны, предположительно в шестидесятых годах прошлого века. Вагон в рабочем состоянии, хотя на какой тяге движется, мы пока не понимаем. Но Лавецкий стремился именно сюда, явно собираясь бежать.

– Куда?

Гаранин и Барсов переглянулись:

– Есть предположения, что тоннель ведёт к владениям господ из Бильдербергского клуба в Брюсселе. Ваш советник Зеленов признался в наличии связи с ними.

Президент кивнул, признаваясь в душе, что доверял этому человеку настолько, что принимал все его советы и предложения, не проанализировав их со всех сторон. Для него известие о секретной связи генерала в отставке с масонскими структурами Запада оказалось откровением, и он долго не мог поверить в предательство Зеленова. Но и этого было мало. На стороне врагов оказался и командующий любимого детища – Национальной гвардии, что явилось не меньшим ударом для президента, не предполагавшего, что ближайшие помощники готовы, образно говоря, всадить нож в спину. И всё чаще приходило в голову название одного из криминальных зарубежных романов – «Кругом одни враги».

– Вы уверены, что этот тоннель ведёт... э-э... в Брюссель?
Гаранин ответил после паузы:

– Стопроцентной гарантии у нас нет... но показания Зеленова и Подвального, реакция Лавецкого и данные разведки во многом сходятся и не противоречат нашим предположениям. В правительстве и околоправительственных структурах окопались резиденты западных спецслужб, подчиняющихся напрямую так называемому «Комитету 300», точнее его подразделению, Бильдербергскому клубу. Мы даже знаем их главных деятелей.

– Вот как? – недоверчиво сказал президент. – И кто же это?

– Думаю, вы знаете всех. Советник премьера Великобритании лорд Лотингейл, зам главы ЦРУ полковник Эзра Хаус, магистр ордена «Череп и кости» Хасан Озокхан, глава Бильдербергского клуба Ульрих Ван-Янг и руководитель «Комитета 300» кардинал Доменико Пьяцци.

– Знаю, – пробормотал Юрий Филиппович.

– И над всеми этими господами стоит иная сила, олицетворяемая Маркусом Хансом-Адамом Фриком.

Президент удивлённо посмотрел на Гаранина.

– Министром иностранных дел Лихтенштейна?!

– Так точно, Юрий Филиппович. – Гаранин пожевал губами. – Не всегда большие посты занимают общественно значимые люди или олигархи. Есть подозрения, что этот господин, министр микрогосударства, не человек. Но об этом я

хотел бы поговорить с вами отдельно.

Президент покачал головой, расстегнул «молнию» куртки, ослабил воротник рубашки.

– Не ожидал... сюрприз, однако.

– Хотите взглянуть на интерьер вагона изнутри? – предложил Барсов.

Юрий Филиппович прошёлся по перрону, убеждаясь, что его плиты сделаны из грубо обработанного камня, вероятнее всего базальта, хотел было проследовать внутрь вагона, но в этот момент из него выскочили двое мужчин в гражданских костюмах.

– Товарищ пол... – начал первый, лысоватый, седой, но умолк, увидев перед собой президента.

– Что у тебя? – осведомился Гаранин, сделав шаг навстречу.

– Похоже, вагон заминирован!

На мгновение все, кто находился на перроне, застыли.

Первым отреагировал на известие Барсов, подхватив президента под руку:

– Быстро отсюда, Юрий Филиппович!

Телохранитель опоздал на полсекунды, взяв президента под другой локоть.

– Уходим!

Президент сердито вырвался из рук мужчин:

– Я сам! Забудьте эти телячьи нежности!

Забрались в лифт вчетвером, оставив специалистов на

станции.

– Ещё один влезет, – сказал президент. – Потеснимся.

Гаранин поманил гражданского с залысынами:

– Николай Сергеевич, залезай.

Дверцы кабины начали закрываться, и Гаранин крикнул:

– Мы вернём лифт, сразу выбирайтесь!

Кабина устремилась вверх, вдавив пассажиров в пол силой ускорения.

В бункере их ждали трое агентов президентской охраны и парни из команды полковника.

Объяснив им, что происходит, Гаранин отдал приказ всем покинуть особняк Лавецкого, кроме компьютерщиков и техников ССО. Повернулся к президенту:

– Как говорится, бережёного бог бережёт, Юрий Филиппович. Кто знает, какие сюрпризы приготовил генерал на случай провала. Лучше перестраховаться. Мы всё тщательно изучим и... – Полковник не договорил.

Из-под земли в подвал долетел могучий рык, пол содрогнулся, стены заходили ходуном, с потолка посыпались кусочки бетона и струйки пыли.

Телохранители бросились к патрону, закрывая его телами, хотя эта их реакция вряд ли могла спасти президента, если бы рухнул потолок.

– Все вон! – гаркнул Гаранин во весь голос.

Присутствующих буквально вымело из бункера: все понимали ситуацию и умели дисциплинированно откликаться на

изменение обстановки. Остался только Барсов, крикнувший:
– Попробую опустить лифт!

Выбрались из подвала на первый этаж, где уже началась суeta бойцов ССО и технических специалистов, вызванная подземным взрывом. Что это был взрыв, не сомневался никто, а Юрий Филиппович вдруг подумал, что, останься он в бункере мини-метро ещё на минуту, страна лишилась бы руководителя. С трудом удержал на языке ругательство, почувствовав, как по позвоночнику скатился ручеёк пота.

– Запускай! – крикнул старший четвёрки телохранителей в наушник рации.

Пилоты слышали. Лопасты вертолётa сдвинулись с места, постепенно раскручиваясь.

Юрию Филипповичу помогли залезть в кабину новенького Ми-38, которым он пользовался для посещения объектов Московской области. Гаранин и его гвардейцы отступили к коттеджу, ожидая, когда вертолёт взлетит.

– Передайте ему, – повысил голос Юрий Филиппович, – я жду его утром с докладом.

Старший телохранитель выпрыгнул из кабины, ткнулся губами в ухо Гаранина и влез обратно.

Вертолёт оторвался от зелёной стартовой площадки.

– Куда? – спросил телохранитель. – Домой?

Он имел в виду подмосковную резиденцию.

– В Кремль, – буркнул Юрий Филиппович, прокручивая в памяти недавние события. То, что взрыв в бункере под

усадьбой Лавецкого совпал с его визитом, случайностью назвать было нельзя. Только везением можно было объяснить минутную фору, спасшую жизнь главе государства. Но при этом наверняка погибли сотрудники и бойцы группы спецназначения, и настроение президента тот факт, что он остался жив, улучшить не мог. В душе родился гнев, который не удалось нейтрализовать даже с помощью волевых усилий и травяного чая, по заверениям врачей успокаивающего нервную систему.

Приняв душ в блоке отдыха в своём рабочем кабинете на втором этаже Сенатского дворца, Юрий Филиппович вызвал начальника службы охраны.

Полковник Перекопов Нил Петрович появился в кабинете буквально через пять минут, будто его вызвали не в четвёртом часу ночи, а в рабочее время. Это означало, что он контролировал своих подчинённых, поднятых по тревоге, знал, куда направляется президент, и на всякий случай находился на рабочем месте в особом бункере под Кремлём.

Перекопов стал начальником охраны главы государства год назад, зарекомендовав себя службой в Росгвардии на посту начальника охраны её высшего командования. Уже через месяц после назначения Юрий Филиппович сделал его руководителем «Прикрытия» – секретной службы безопасности, состоящей из двух структурных подразделений: анализа социума и разработки стратегий – «Айтир», и группы активного реагирования «Оберег».

К счастью, советник президента Зеленов не входил в число командиров «Прикрытия» и сдать эту структуру спецслужбам Бильдербергского клуба не мог. Об этом Юрий Филиппович подумал с огромным облегчением, когда Гаранин сообщил ему о заговоре, ибо считал «Прикрытие» своим главным гарантом.

Перекопов никогда в жизни не занимался спортом в отличие от президента, получившего в молодости неплохую спортивную подготовку. Однако полковнику повезло с генами (как он шутил неоднократно), отчего выглядел он поджарым, стройным, сильным и в свои пятьдесят три (он был старше Юрия Филипповича на год) мог дать фору многим молодым спортсменам по части выносливости и скорости принятия решений. Говорил он мало, но веско, предпочитая обдумывать и взвешивать каждое своё слово, и Юрий Филиппович всегда с удовольствием выслушивал его советы и оценки того или иного события.

Лицо у Перекопова было типично славянское: широко-скулое, с носом-картошкой и добродушной складкой губ. В серо-прозрачных глазах полковника таилась хитринка и необычное для человека такой профессии тёплое сочувствие, будто он всем и каждому готов был немедленно оказать помощь и поддержку. Что, в общем-то, было правдой. Хотя начальником Нил Петрович был строгим и ошибки подчинённым не спускал.

Явился он к президенту в тёмно-серой куртке и таких же

штанах с отутюженной складкой. Рубашки Перекопов предпочитал без ворота, но в эту ночь двадцать третьего июня на нём была синего цвета сорочка со стоячим воротником.

– Присаживайтесь, Нил Петрович, – кивнул на стулья президент. – Чаю хотите? Кофе, сок?

– Благодарю, только что выпил чашку чая, – басовитым голосом отказался Перекопов. Сел, прямой и ощутимо уравновешенный.

– Что скажете?

Глава «Прикрытия», о существовании и деятельности которого знали всего четыре человека в России, помедлил.

– Мы под контролем.

Президент налил себе гранатового сока, сделал глоток, сказал с горестным недоумением:

– Но это же кошмар, а?! С меня словно содрали скальп и залезли ко мне в голову! Сразу два человека, которым я безусловно доверял, оказались предателями! Работали не просто на западные спецслужбы, а на масонскую структуру! На Бильдербергский клуб! Куда идти, с кем работать? Кому доверять?!

– Мне, – без улыбки ответил Перекопов.

Юрий Филиппович мотнул головой, допил сок, расслабился.

– Я уже себе перестаю верить. Утром у меня будет Гаранин, командир бригады спецназначения Росгвардии, узнаем подробности. Он готовил группу для рейда в Лихтенштейн.

Но по тоннелю нам теперь туда не добраться, он взорван, Лавецкий подстраховался и каким-то образом ухитрился взорвать подземную станцию.

– Я бы не стал опираться на службы Ростгвардии.

– Но именно они раскрыли заговор.

– В этом деле много неясного, а Гаранин вообще был близок Лавецкому.

– Что предлагаете?

– Отправить всех причастных к этому делу в отставку и передать все материалы нашей структуре.

– Не федералам?

– Федералы будут знать столько, сколько необходимо.

– Что у нас есть помимо этого? Я имею в виду информацию.

Перекопов ушёл мыслью в себя, но не надолго.

– Конкуренты за границей пошли ва-банк. Их цель – тихий переворот в России под эгидой возвращения страны в лоно «истинной демократии». А не получится тихий – можно и громко грохнуть президента, чтобы посадить своего ставленника.

Юрий Филиппович поморщился:

– Общие слова.

– Почему общие? У нас полно центров влияния забугорных мессий, и к ним постоянно прибавляются новые, причём созданные либералами. Все, кто разваливал страну при Ельцине, остались у власти. К примеру, тихой сапой в Москве

строится очередной Ельцин-центр, помимо тех двух, что уже работают на ниве «просвещения» молодёжи. Делают из неё зомби. С Запада всё сильнее веет гнилым запахом стяжательства и жажды обладания. Идёт война с русским языком. Вы просматриваете газеты?

– Регулярно.

– Практически во всех объявляются конкурсы, в том числе и очень полезные, но – на чужих языках! Обращали внимание? К примеру, в очередной раз в Казани прошли соревнования World Skills. Почему у нас этот мировой конкурс не назван по-русски?

Президент озадаченно вытер пальцы салфеткой.

– Не вижу подвоха...

– А напрасно. Вот вам ещё примеры: фестиваль бродяг и тату-мастеров называется Barber Connect Russia и Russian Tattoo Expo. Почему нельзя было найти хороший русский перевод? Наш могучий язык вполне способен предложить любой вариант. И таких примеров я могу привести сотни!

– Это международные мероприятия...

– Да, но в нашей стране они проводятся для русских и русскоязычных людей! Почему ни в одной стране мира не слышно ни одного русского названия, даже если выступают русские творческие коллективы, тот же Большой театр или балет?

Юрий Филиппович криво улыбнулся:

– Честно, не задумывался.

– А мы регистрируем колоссальный поток иностранщины, нивелирующий родной язык. Другая отдельная тема – телевидение и Интернет, внёсшие в жизнь молодёжи тысячи ту-пых приколов, гэгов, ощущение вседозволенности и безответственности, утрату вкуса и способности различать добро и зло. Бороться с этим надо?

Юрий Филиппович оглядел внешне невозмутимое лицо собеседника, сказал с любопытством:

– «Прикрытие» создавалось для других целей.

Перекопов качнул головой:

– Время изменилось. Информационно-кибернетические войны стали страшнее горячих войн. Интернет изменил форму воздействия на молодёжь. Именно с его помощью за два года несистемная оппозиция шестнадцать раз выводила людей на улицы с целью расшатывания ситуации в стране. Пора браться за организаторов всерьёз, а не сажать их в СИЗО как алкашей.

– В смысле?

– Помните, как в своё время был убит Бандера? Вот и этих подонков надо мочить без суда и следствия!

Президент усмехнулся:

– Не слишком радикально?

– Мы готовы разработать план действий. Ещё раз предлагаю всех сотрудников ССО, принимавших участие в раскрытии заговора, отстранить от дел, а то и отправить в отставку

под подписку о неразглашении государственной тайны.

– Но полковник Гаранин командует спецназом...

– Его отправить в отставку в первую очередь. Он работал с Лавецким три года, и веры к нему у меня нет, несмотря на позитивное разрешение конфликта. К тому же надо жёстко проверить их сведения о плане Даркмина, то есть Бильдербергского клуба.

– Интересно, с чего это господа магистры решили ускорить события в России?

– Значит, есть предпосылки, о которых мы не знаем.

– Контра. – Юрий Филиппович невесело улыбнулся. – Хорошо, Нил Петрович, займитесь этим делом, даю вам карт-бланш. С Феликсом и Маргеловым я поговорю, они должны быть в курсе, что мы включили «Прикрытие».

Президент имел в виду директора ФСБ Зорича, за глаза прозванного Феликсом за сходство с Дзержинским, и директора внешней разведки.

– Давайте оценим уровень угрозы. Самое главное – выяснить, чем я помешал Бильдербергскому клубу.

– Слушаюсь! – сказал глава «Прикрытия».

* * *

Министр иностранных дел Лихтенштейна, небольшого княжества на берегу Адриатического моря, претендующего тем не менее на титул «настоящего» государства, Маркус

Ханс-Адам Фрик, на самом деле был не человеком, а потомком рептилоидов с планеты Миррах, одной из звёзд созвездия Змееносца. Так как облик рептилоидов-миррахцев отличался от человеческого (у Фрика проявилось ороговение кожи на груди и на шее, во рту присутствовал двойной ряд зубов, длинная складка безгубого рта пересекала лицо почти от уха до уха), Маркус в присутственных местах пользовался голографической маской, чтобы не шокировать собеседников.

Кроме резиденции в Лихтенштейне, он имел ещё пару дворцов на побережье Адриатики, а также коттеджи и владения в Риме, Лондоне, в Монреале и Сочи. Кроме того, в распоряжении министра находилась самая большая и роскошная яхта в мире – «Палмер Аурум», длиной в двести тридцать метров, хотя владельцем яхты считался арабский шейх Халифа бен Саид ибн Мукузани. Кстати, куратор срединных подразделений Бильдербергского клуба от Египта до Индии. Сам же Маркус Фрик являлся главным куратором контроля Внедрения в человеческую цивилизацию принципов рептилоидной расы Миррах.

В час ночи он находился в своём подземном бункере класса «Аристократ», располагавшемся под дворцом правительства Лихтенштейна на глубине полусотни метров и связанного ветками скоростного подземного транспорта со всеми своими резиденциями и секретными базами на территории других стран.

Соединялись эти базы тоннелями, созданными ещё прежними земными цивилизациями, но в двадцатом веке приспособленными для нужд «мирового правительства», роль которого и играл Комитет 300, или Бильдербергский клуб.

Бункер Фрика, занявший опять-таки одну из подземных защитных цитаделей древних атлантов, был переоборудован в начале двадцать первого столетия и представлял собой трёхуровневый каземат, включавший в комплекс оружейный терминал, системы фильтрации воздуха, сантехнические и антисептические системы, теплицу, небольшой ядерный реактор, питающий всё электрическое оборудование бункера, а также медиазал, плавательный бассейн, столовую, комнаты отдыха, кабинеты с компьютерным обеспечением и выходом на вай-фай и спальни. Расположиться в этом бункере в случае необходимости (конфликты, война, ядерная или биологическая атака) могли до полусотни человек.

Фрика, спавшего в самой большой и оборудованной чисто рептилоидными прибабасами (кровать с вибромассажем и матрасом, заполненным водой, ручки шкафчиков и сейфов с охлаждением, множество предметов быта, ёмкости для мазей и пузырьки со средствами для ухода за кожей, особые зубные щётки, успокоители и электрорелаксаторы), разбудил тихий скрежет коммуникатора.

– Экселенц, – прошелестел в ухе куратора бестелесный голос искина (искусственного интеллекта, играющего роль секретаря), – срочное сообщение из Штатов.

Фрик сделал жест пальцем, включая экран связи.

Экран вспыхнул бисером, протаял в глубину, в нём появилось изображение полковника Эзры Хауса, заместителя главы ЦРУ, отвечающего за разведку Клуба.

Ветеран действий США в Сирии был немолод и похож на монстра, изувеченного падением в глубокое ущелье. От его улыбки всех знакомых полковника брала оторопь.

По расширившимся глазам Эзры Фрик понял, что он увидел его в естественном виде, таким, каким куратора родила земная женщина, но включать маскер не стал. Эзра уже видел его настоящим, как и остальные члены Большой Пятёрки; так называли принимающих решения магистров Клуба.

Полковник сделал паузу:

– Экселенц?

– Говорите, – сухо проскрипел Фрик. – Что стряслось?

Эзра улыбнулся, отчего его бугристое, покрытое бледными шрамами лицо стало не менее привлекательным, чем лицо куратора:

– Появились проблемы, сэр. Наши резиденты в России господ Подвальный, Зеленов и Лавецкий раскрыты, бункер связи Лавецкого захвачен, сам он убит. Необходимо принимать срочные меры для блокировки утечки информации.

Лицо Фрика сделалось костяным, рот вытянулся в одну линию, отчего куратор Внедрения стал похож на огромную лягушку.

– Мои информаторы... молчат...

– Значит, они либо нейтрализованы русскими спецслужбами, либо... – Хаус снова продемонстрировал «американскую» – на все тридцать два зуба – улыбку, – работают на них.

– Это... исключено!

– Действовать надо быстро.

Фрик натянул японский халат с лилиями, выцедил фужер шампанского (по утрам он нередко выпивал бутылку), зажевал ломтиком дуриана, не обращая внимания на запах фрукта.

– Что вы предлагаете?

– Уничтожить бункер связи Лавецкого и ликвидировать всех, кто был засвечен в нашей операции.

– С ликвидацией не всё так просто, да и блок связи нам необходим.

– Активируем ещё один, у нас их несколько. А по ветке Лавецкого русские вполне способны добраться до вашей резиденции.

Взгляд Фрика застыл. До него только сейчас дошёл масштаб провала.

– Хорошо, действуйте... своими силами. Как скоро сможете ликвидировать угрозу утечки?

– Мои люди могут взорвать бункер Лавецкого в любую минуту. Мы подстраховались заранее... на всякий случай.

– Действуйте, – повторил куратор Внедрения. – Я немедленно собираю совещание Большой Пятёрки.

– Я доложу о результате, – пообещал заместитель директора ЦРУ, и экран связи потемнел.

* * *

Совещания Большой Пятёрки нередко проходили в шикарных ресторанах Бильдерберга, Брюсселя, Лондона или Берлина, так как члены этой структуры любили комфорт (при соблюдении всех мер безопасности и скрытности) и умели наслаждаться кухней разных стран. Однако на сей раз ситуация требовала скорейшего анализа, и Фрик задействовал систему «облачной» онлайн-связи, позволявшую вести переговоры, не опасаясь перехвата.

Приглашение собраться застало четверых магистров из пяти в их владениях: в Европе была ночь, и они готовились ко сну.

Кардинал Доменико Пьяцци находился в Риме, советник премьер-министра Великобритании Лотингейл – в Лондоне, верховный магистр ордена «Череп и кости» Хасан Озокхан – в столице Турции Анкаре, глава Бильдербергского клуба Ульрих Ван-Янг – в поместье под Брюсселем. Эзра Хаус не спал, потому что в Америке ещё был день.

Современная техника связи позволяла создавать объёмные изображения абонентов, и в кабинете Фрика сидели как живые фигуры «надсмотрщиков» над миром, преисполненные важности и ответственности. Хотя Фрик знал, что при

необходимости он легко заменит любого из них на деятеля из своего личного резерва; отморожков, считавших себя вершителями человеческих судеб, на Земле хватало.

– Господа, – сказал Фрик, накинувший ради совещания на себя нечто вроде судейской мантии и включив маску, скрывший изъяны его рептилоидной внешности. – Нам снова объявлен серьёзный вызов, поставивший под угрозу проведение плана коррекции социума в России. Спецслужба, окопавшаяся в недрах Росгвардии, и служба безопасности президента раскрыли важнейший канал управления демократическими силами в стране и выявили наших резидентов. Нам удалось уничтожить узел связи с резидентом, но проблемы это не решает. Прошу тщательно взвесить последствия срыва операции и дать предложения по нормализации обстановки.

– Что тут взвешивать? – оскалился Эзра Хаус, показав крупные зубы. – Надо просто объявить президенту России ультиматум – жизнь или отставка, и на его место посадить своего ставленника, того же премьера.

По лицам остальных совещателей промелькнули не слишком добрые улыбки: полковник не пользовался ничьим уважением, будучи по происхождению плебеем, но с ним приходилось считаться, потому что он обладал большими возможностями влияния на оппонентов.

– Сделать это будет непросто, – сказал Пьяцци, седой, осанистый, с породистым львиным лицом и манерами настоя-

щего кардинала. – Смена президента в легитимном ключе займёт не один месяц.

– Зачем ждать? Наша команда в России провалилась, надо активировать спящую резидентуру, создать новую команду и замочить всех, кто нам мешает. А потом ликвидировать и президента.

Ответом горячему полковнику был обмен снисходительными улыбками.

– Нужна мощная информационная поддержка, – покачал головой Ульрих Ван-Янг. – Предлагаю поднять в России на дыбы пятую колонну, опереться на российских олигархов и объявить действия российского президента угрозой всему миру.

– Одно другому не мешает, – отрезал Эзра. – Зачистку организовать всё равно придётся.

– Надо обдумать кандидатуру главного резидента вместо выбывшего, – сказал Лотингейл, длиннолицый, с водянистыми рыбьими глазами. – В спящем резерве у нас там шесть человек, предлагаю выбрать моего агента.

– Пройдёмся по каждой кандидатуре, – решительно проговорил Озокхан. – У меня тоже есть предпочтения.

Турок считал себя красавцем и сердцеедом и тщательно ухаживал за кольцевой бородкой и причёской, что при его заметной лысине на макушке выглядело смешно.

– Хорошо, ваше предложение? – остановил на нём взгляд Фрик.

– Шубайц.

Присутствующие оживились. Фигура главы Нанокорпорации России считалась одиозной, так как в последнее время он выдал несколько неоднозначных заявлений, взбудоражив общественность и соцсети, хотя в начале девяностых годов двадцатого века принял такое деятельное участие в развале страны, что даже претендовал на должность главного могильщика России, доставшуюся в конце концов первому президенту России Ельцину. Но большая часть российских граждан считала Шубайца не героем, а преступником, которого нужно судить, поскольку его «реформы» стали самой большой аферой в истории человечества, в результате которой богатства огромной страны, созданные несколькими поколениями, были в один миг украдены, а сама Россия оказалась на грани уничтожения.

– Он скомпрометировал себя не один раз, – возразил Ульрих Ван-Янг. – Доверять ему нельзя. Пусть и дальше вызывает огонь на себя своими провокационными заявлениями.

Фрик перевёл взгляд немигающих глаз на него.

– Иной раз компрометация не мешает агенту делать работу. Все считают его болтуном и провокатором, не анализируя реальную деятельность. Кого предлагаете вы?

– Шугалова, конечно, первого вице-премьера. Ему всего полсотни лет. Очень энергичный функционер, сделал много полезного для нас. Курирует экономику, точнее, умело сдерживает её рост. Возглавил российский фонд федерального

имущества, руководил аппаратом правительства при Ельцине, где заработал неплохой капитал.

– Но он провалил программу приватизации госкорпораций, – нахмурился Эзра.

– Это можно засчитать ему в плюс. Мы подсуетились и поставили во главе самых крупных госструктур, таких как «Роснефть» и «Ростех», своих людей. Да что я вам рассказываю, вы и сами всё знаете.

– Однако ваша креатура тоже не без греха, – брюзгливо заметил Ван-Янг. – Он успел засветиться со своей оборотистой супругой в скандале с использованием суперджета для доставки собак на международные выставки. Имеет замок в Австрии, который не по карману рядовому чиновнику, роскошные апартаменты в элитном доме в центре Лондона, рядом со зданием парламента. Хоромы в так называемой сталинской высотке на Котельнической набережной, также приобретённые со скандальчиком. Усадьба в посёлке Заречье, рядом со Сколковом, не хуже, чем у нашего провалившегося резидента Лавецкого. Выстроена на базе отдыха широко известного в России секретаря ЦК КПСС Суслова. Двести миллионов долларов, семь с половиной гектаров роскошного парка. Не слишком ли вызывающе для нищего русского народа?

– Этим сейчас никого не удивишь, – буркнул Эзра. – Такие усадьбы имеют все «новые русские», могу назвать сотни имён.

– Тем не менее его недаром считают одним из творцов экономического кризиса в России. Главному резиденту следует вести себя скромнее и незаметнее.

– Ну, а ваша кандидатура скромнее?

– Уверен, что он является идеальной фигурой: советник президента по науке и внедрению западных стандартов образования господин Фурсенков.

Губы присутствующих изогнулись не то чтобы с издёвкой, но с неодобрением. Несмотря на то что Фурсенков вместе с ещё одним «оптимизатором образования», ставшим владыкой Сбербанка, практически убили классное (не без огрехов, но безусловно высокогуманное) советское образование введением ЕГЭ, этого функционера в среде магистров Бильдербергского клуба не уважали за подчёркнутое пренебрежение к ЛГБТ-сообществам, при том что он сам был приверженцем нетрадиционных сексуальных отношений.

– Даже обсуждать не хочу, – сказал Эзра. – Это далеко не идеальная фигура, к тому же не имеющая надлежащего доступа к государственным тайнам. А недавно он практически восстал против президента, заявив о реорганизации Российского фонда фундаментальных исследований, чтобы распилить миллиарды фонда, выделяемые Минфином. Прекращение финансирования уже вызвало грандиозный скандал! Фурсенков себя засветил.

– Зато у него классные связи с другими фондами...

– Подождите, Ульрих, – перебил главного поводыря Клуба

Фрик. – Давайте выслушаем остальных. Кардинал?

Глава римского католического дома расправил на груди белую, атласную, с позолотой, мантию.

– Фрейлихман.

Эзра Хаус поморщился, но промолчал.

Речь зашла о президенте Сбербанка России, получившем эту должность в заслуги перед правительством за участие в начале девяностых в развале страны.

– Умён, хитёр, нагл, исключительно креативен, – продолжил Пьянци, не услышав от коллеги ни возражений, ни похвал в пользу его кандидатуры. – Близок к президенту, друг премьера, отличные связи. Умеет работать тихо и результативно. С первого раза его предложение приватизировать Сбербанк не получило одобрения общественности, он запустил его ещё несколько раз и практически близок к осуществлению замысла, что даёт нам дополнительный рычаг влияния на класс управленцев России. Имеет не одну базу, так сказать, если говорить о виллах и усадьбах, которые пока не засвечены, так как записаны на родственников друзей-олигархов.

Хаус не выдержал:

– Фрейлихман тоже последнее время не молчит. Пригрозил во всеуслышание «убить» в школах и вузах экзамены. Под предлогом, что их все боятся. Такое вслух говорить нельзя.

– Господин Озокхан?

– Ну... не знаю, – с сомнением произнёс турок. – Он безусловно умён...

– Я не спрашиваю ваше мнение о кандидатуре Доменика. Ваше предложение?

– Манкуртов, – вызывающе выпрямился Озокхан.

Присутствующие обменялись взглядами.

Манкуртов Эвелин Денисович был министром промышленности и торговли России и по данным соцопросов имел очень большой вес в правительстве, не уступающий даже политическому весу самого премьер-министра. В «спящего» он превратился ещё семь лет назад, проявив себя как полезный и грамотный лоббист либеральных идей, за что и был назначен главой Минпромторга. Оценщики Бильдербергского клуба обратили на него внимание не зря, и ещё в две тысячи пятнадцатом году этот лысоватый, но симпатичный господин с хриплым голосом пропойцы был запрограммирован во время отдыха в Неаполе и стал «спящим резервистом», претендующим на роль главного резидента. Поговаривали, что именно он посоветовал президенту Турции обратиться к России с просьбой продать зенитно-ракетную систему С-400. Однако мало кто знал, что работал Манкуртов не только на российский промышленно-финансовый комплекс, но и на турецкую разведку, главой которой и являлся Озокхан.

– Он исключительно перспективен, – добавил турок. – Возможно даже, что он станет очередным президентом Рос-

сии. Чего стоит только его последняя инициатива вывести пиво из категории алкогольных напитков. Нам дают в руки мощный инструмент для воздействия на народ России и превращения его в стадо!

– Но и Манкуртов тоже не избежал ошибок, – осторожно заметил Ван-Янг. – То и дело общественность будоражат его псевдобарские замашки. То он останавливается в люксовом отеле Шанхая, стоимость номера в котором за сутки – более двадцати двух тысяч долларов – превышает в два раза двухгодичную зарплату среднестатистического россиянина, то делает себе в офисной башне «Москва-Сити» персональный подъёмник стоимостью чуть ли не в десять миллионов долларов. Ведёт к этому лифту специальный подземный вход, к которому его подвозит служебный люксовый седан «Аурус». Мы в Европе ведём себя намного скромнее.

– Наглость и беспринципность – второе счастье, – изрёк Эзра Хаус со своей устрашающей улыбкой, – как говорят сами русские. Мне он тоже нравится. Пожалуй, я за него проголосую. А как он одевается – закачаешься! У него отменный вкус. Иногда я завидую его успеху у дам. Говорят, в Москве у Манкуртова свой подпольный развлекательный центр, где он встречается с девушками.

На губах членов Большой Пятёрки снова замелькали улыбки. Никто из них не запрещал себе жить красиво, не считая связи с женщинами или мужчинами предосудительными.

Фрик не разбирался в интонациях человеческих особей, да и к юмору относился специфически, считая его попытками спровоцировать неадекватную реакцию оппонента. Но к словам заместителя главы ЦРУ отнёсся с пониманием. Он знал, что Манкуртов, как и недавно получивший срок министр открытого правительства России Абызов, считался таким же любителем понтов и дорогих вещей, и гардеробная у него была покруче, нежели у широко известного российского шоумена и скандалиста Фила Киркорова. По заверениям экспертов и наблюдателей за поведением инциаторов беспорядков в России, Манкуртов с подчёркнутым пафосом носил дорогие костюмы от Бриони и Франческо Смальто (средняя стоимость около пятисот тысяч рублей), а на заседания правительства приходил с портфелем от Луи Вюиттон по цене небольшой однокомнатной квартиры где-нибудь в Германии.

Впрочем, для Фрика эти выбрыки министра не имели особого значения. Он считал, что у каждой человеческой особи есть свои тараканы в голове (как и у родичей-миррахцев), главное, чтобы они исполняли возложенные на них обязанности и добивались цели. Для России эта цель звучала так: «реализация ползучей цветной революции с целью перехвата управления государством». Уже была известна примерная дата климатической катастрофы – две тысячи сороковой год, в результате которой на планете могла сохраниться только территория России, и надо было за оставшееся до Апокалип-

сиса время иметь этот плацдарм для выживания в своих руках.

– Итак, господа магистры, – сказал Фрик, – двое – за кандидатуру Манкуртова. Есть возражения?

– Он чересчур любит комфорт, – осуждающе сказал Пьянци.

– Вы против, Доменик?

Кардинал пожевал губами:

– Н-нет.

– Ульрих?

– Я – за.

– Итак, решено, проходит кандидатура министра промышленности и торговли Манкуртова. Эзра, начинайте активацию по своим каналам. Теперь о зачистке. Необходимо в скорейшем времени убрать всех свидетелей провала нашей резидентуры в России. В первую очередь тех, кто принимал непосредственное участие в захвате Лавецкого. Какие у нас для этого есть ресурсы?

– Под моим контролем находится с десятков спящих джамаатов на территории России, – сказал Озокхан. – Все они воевали в Ливии, Сирии и на Украине на стороне ИГИЛ и нацистских батальонов, хорошо подготовлены и ненавидят русских.

– Но развернуть их будет сложно, – сказал Ван-Янг. – Российские спецслужбы заточены на ликвидацию боевиков ИГИЛ. Потеряем бойцов.

– Их и потерять не жалко, – ухмыльнулся турок. – Наберём новые группы, расходного материала хватает. Зато при задержании они не выдадут наши истинные планы, русские будут считать их боевиками исламистов.

– Эзра?

– Идея неплохая, но у меня есть получше: частная военная компания. В России таких две – ЧВК Вагнера и ЧВК «Чёрный орёл». Создаётся ещё одна – «Белая ночь». Мы внедрили в командный состав отряда своих людей, они и смогут начать ликвидацию под благим лозунгом «борьбы с криминалом и коррупцией».

– Почему бы и нет? – проворчал Лотингейл, в ведении которого был информационно-пропагандистский пул Клуба, снабжающий все телеканалы и интернет-сети Запада дезинформацией о «злой России». Особенно хорошо структура Лотингейла проявила себя в деле с «отравлением Скрипалей», обвинив российские спецслужбы в нападении на семью предателя. И хотя впоследствии обвинение развалилось, будучи фейком изначально, простой народ Европы остался в уверенности, что Россия населена «секретными сотрудниками» спецслужб и террористами.

– Предлагаю подсоединить к операции наши силы, – добавил лорд. – Мы развернули в России правозащитный «Мемориал», связи которого тянутся к Администрации президента, и филиал РЭНД, неплохо устроившийся в Ельцин-центре.

Речь шла об американском стратегическом исследовательском институте, совместно с институтом Эйнштейна разрабатывающем схемы ненасильственных переворотов. Опирался центр на идеологию подкупа чиновников (в России это была поистине золотая жила), манипуляции сознанием обывателей, жаждущих «жить красиво», и на финансовое мошенничество.

– Мы подумаем, – пообещал Эзра.

– Тогда ещё один момент, – сказал Озокхан. – В нашем ведении находится деятельность «Мизантропик дивижн». Могу подключить к операции зачистки своих людей, входящих в состав организации.

Фрик помолчал.

«Мизантропик дивижн» был экстремистской организацией, запрещённой в России, а его боевики входили во все военные структуры Европы, в том числе – в добровольческий украинский полк «Азов», прославившийся насилием над гражданским населением Донбасса, пытками, грабежами и убийствами стариков и детей. Тем не менее эти отморозки служили хорошим прикрытием деятельности Бильдербергского клуба, и к их услугам можно было прибегнуть.

– Хорошо, – сказал наконец куратор Внедрения. – Подготовьте мне план зачистки. Действовать надо осторожно, но быстро и эффективно! Первыми должны исчезнуть все сотрудники Национальной гвардии России: полковник Гаранин, майор Барсов, лейтенант Яшутин. Они слишком много

знают! Даю добро на любой экстрим!

Эзра Хаус плотоядно улыбнулся и потёр ладонь о ладонь.

Композиция 2. Адреналин

Россия, Москва

Он не смог спустить лифт в подземный бункер Лавецкого, оборудованный под станцию мини-метро. Причина была простой: взрыв повредил лифтовой механизм, обрушил стены шахты, и теперь спуститься туда, на стометровую глубину, можно было, лишь очистив ствол от обломков конструкции и породы. Но Барсов расстроился так, будто сам был виноват в случившемся.

Проводив президента и сделав несколько попыток реанимации подъёмника, он поднялся из подвала на первый этаж особняка и, встретив спешащего Гаранина, сказал мрачно:

– Там остались наши ребята...

– Надо было подстраховаться, – не менее мрачно отозвался полковник.

– Как?

– Надо было проверить бункер на предмет подрыва и лишь потом лезть вниз. Представляешь, что было бы, останься там президент хотя бы на минуту?

Барсов опустил голову.

Гаранин ощупал его фигуру глазами, помолчал.

Майор до попадания в группу особого назначения командовал спецотрядом быстрого реагирования «Рысь», принадлежавшим Силам специальных операций (руководил ко-

торами Гаранин) и предназначенным для обеспечения общественной безопасности, охраны важных государственных объектов, а также для обнаружения и задержания террористов и членов бандформирований. За год службы в Росгвардии он проявил себя отличным командиром. Но попал в ряды спецназа, можно сказать, случайно. С детства Вениамин занимался единоборствами, стал чемпионом Владивостокского университета (учился на юрфаке), потом чемпионом города по боевому самбо, его заметили в краевом СОБРе и предложили пойти к ним на «адреналиновую службу». Будучи молодым и сильным, Барсов согласился и после окончания университета стал спецназовцем.

К своим нынешним тридцати пяти он получил звание майора, став командиром серьёзного антитеррористического подразделения, но семьи так и не завёл в отличие от самого Гаранина. И выглядел он внушительно: рост метр девяносто, широкие плечи, мощная шея, широкие ладони с сильными пальцами, способными гнуть гвозди, открытое лицо с широким подбородком, карие глаза, иногда светлеющие до янтарной желтизны – когда ему что-то не нравилось. А ещё майор был, как родной брат, похож на знакомого Гаранина, полковника ГРУ в отставке Максима Олеговича Калёнова, присоединившегося к отряду ГОН. Разве что цвет глаз у них был разный.

– Разберись тут, – сказал Гаранин. – Вызови ребят Маслова, пусть попробуют очистить шахту и спуститься в бункер.

– Я уже вызвал, будут через час.

– Дождись.

– Непременно.

В холле коттеджа появились Калёнов и лейтенант Яшутин. Лицо бывшего полковника ГРУ украшали два синяка и царапина, доставшиеся ему во время схватки с Лавецким, левую руку он прижимал к боку и при ходьбе прихрамывал.

Яшутин, попавший в ГОН после разного рода обстоятельств из подразделения Росгвардии «Гром», такой же высокий и мощный, как Максим Калёнов и сам Барсов (Гаранин вдруг по-новому взглянул на всех троих, обнаружив, что они действительно похожи друг на друга), выглядел мрачно-спокойным. Хотя характером обладал взрывным, что не раз становилось причиной разборок Яшутина с плохими парнями и чиновниками, пренебрегающими своими прямыми обязанностями.

– Ранен? – поинтересовался Гаранин, глянув на скособо-ченность Калёнова.

– Похоже, сломал ребро, – ответил новоиспечённый советник Росгвардии, вынужденный демонстрировать навыки рукопашного боя при захвате усадьбы Лавецкого.

– «Скорую» вызвать?

– Не надо, Костя меня отвезёт домой, а там я утром покажусь врачам.

– Хорошо, езжайте, через пару дней я к вам наведуся.

Калёнов и Яшутин пожали оставшимся руки, ушли.

– Идите и вы, Владимир Силович, – сказал Барсов. – Я справлюсь.

Гаранин помедлил, глядя исподлобья на суету спецназовцев в холле, достал смартфон, вызвал водителя:

– Алёша, подъезжай к главному входу.

Барсов проводил его до двери, обнаружив, что уже начался рассвет.

* * *

Дома он появился только в половине девятого утра, уставший до чёртиков в глазах и глухого раздражения.

Жил Барсов в подмосковном Зябликове, на улице Мусы Джалиля. У него была небольшая двухкомнатная квартира площадью в тридцать пять квадратных метров и машина – красного цвета «Хёндэ Эксклюзив» последней модели, под капотом которой располагался двухрядный оппозитный двигатель на восемь цилиндров, выдающий четыреста двадцать лошадиных сил. Его он оставил во дворе, имея собственное парковочное место под номером 75.

Сбросив пропитанный потом камуфляж-комбез (заезжать в Центр спецназначения в Щёлково, чтобы переодеться, он не стал), Вениамин залез под душ и полчаса блаженствовал под струями воды, то горячей, то холодной, счастливый от пусть и временного, но избавления от забот и волнений. Переоделся, побрился, приготовил яичницу из шести яиц с по-

мидорами, выпил две чашки зелёного чая и... заснул, разморенный, сидя за столом, уронив голову на тарелку с хлебом.

Проснулся от какого-то неясного шума: сторож организма никогда не отключался, пребывая в боевой форме, и будил хозяина, в каком бы расслабленном состоянии тот ни находился.

Барсов поднял голову, оценивая степень опасности шума, машинально отметил, что идёт уже одиннадцатый час утра.

Кто-то плакал в коридоре. Бубнили в два голоса – мужчина и женщина. Из любопытства Барсов выглянул в коридор через дверной глазок, увидел плачущую соседку, которую все звали Марией Ильиничной, хотя ей шёл всего двадцать седьмой год. Она работала учительницей в соседней школе. Барсов знал, что муж Марии Ильиничны утонул в реке несколько лет назад, и жила она одна, не имея детей. Относился к ней Барсов по-приятельски, «не подбивая клинья», уважая за спокойный и добрый характер.

Машу обнимала женщина постарше, полная блондинка с выдающейся грудью. Её Барсов раньше не встречал. В мужчине же узнал ещё одного соседа, Михаила Васильевича, прозванного Фрунзе за именное и портретное сходство с легендарным советским наркомом по военным и морским делам.

Открыл дверь, сказал с бодрой шутливостью:

– Что за шум, а драки нет?

Все трое повернулись к нему.

– Привет, Веня, – сказал Фрунзе, пригладив свои чёрные, с проседью, усы. – Тут такое дело...

– Что случилось?

– Этот бандит совсем ополоумел! – затараторила полная грудая женщина. – Окончательно совесть потерял! Уже руки распускает, никого за людей не считает!

– Погоди, Савельевна, – поморщился Михаил Васильевич. – По порядку надо. В общем, у неё в классе, – Фрунзе кивнул на Марию Ильиничну, – была в мае конфликтная ситуация: у одного из учеников, точнее, учениц, пропало двести рублей. Маша начала разбираться, чтобы выяснить, кто украл, и погасить пожар. Девушка, на которую пало подозрение, тут же пожаловалась дяде – депутату нашего Заксобрания, и тот примчался в школу, выволок за волосы учительницу из класса, крича матом, что он депутат, слуга народа и никому не позволит оскорблять его племянницу.

– Сказал, что он – элита, и ему, – всхлипнула Мария Ильинична, – ничего не будет. А меня вышвырнут из школы!

– Элита! – презрительно сплюнул Михаил Васильевич. – Слуга народа, мля! Нынешняя элита – враг народа! Был бы я здоровый – дал бы ему промеж глаз!

– Кто он? – поинтересовался Барсов.

– Бывший футболист, – сказала Мария Ильинична, – фамилия Комаев. За «Спартак» играл.

Барсов заметил почти исчезнувший синяк на виске учительницы, стиснул зубы.

– Это он вас ударил?

– Бутылкой пива, – сморщилась Мария Ильинична. – Потом нож достал, махал перед лицом, обещал порезать, если я не уйду из школы.

– В полицию заявляли?

– Приехали два сержанта, поговорили с ним и с директором, и уехали, объявив, что это обычный школьный инцидент, пусть директор разбирается, а у этого Комаева депутатская неприкосновенность.

– Ясно, – кивнул Барсов. – Рука руку моет. Они все повязаны, депутаты такого пошиба и представители закона. Это система, с которой очень трудно бороться. Что собирались делать?

– Говорила с директором... – Мария Ильинична содрогнулась. – Но он почему-то считает, что я во всём виновата. А сегодня сказал, что я уволена.

Мария Ильинична снова залилась слезами.

– Погодите. – Барсов проследил за слезой, скатившейся по щеке женщины, и решение созрело окончательно. – Почему вопрос об увольнении встал сегодня, а не в мае?

– Не знаю... но мне кажется, что депутат был в школе...

– Отомстил, мля! – пробурчал Фрунзе.

– Не плачьте, я попробую разобраться, поговорю с директором, может, и в полицию загляну. Вечером пообщаемся спокойно, хорошо?

Учительница кивнула, и, хотя сомнение в её глазах не ис-

чезло совсем, в них промелькнула искорка надежды.

– Как, говорите, его зовут? Обидчика вашего?

– Комаев... Денис Валерьевич... депутат нашего районного собрания...

– Найду, не волнуйтесь. – Барсов кивнул и вернулся в квартиру, размышляя, стоило ли вмешиваться в мелкие криминальные разборки и что делать, коль обещание уже дано. Решил посоветоваться, позвонил Николаю Алексееву, капитану «Рыси», своему заместителю, с которым был дружен, объяснил ему ситуацию, спросил:

– Что предложишь, Коля?

– Я бы на их месте заявил Собянину.

– Если полиция не стала связываться с депутатом, то мэрия вмешиваться в конфликт не будет. В крайнем случае спишет все грехи на учителей, как это было не раз.

– Ну-у... сейчас вроде времена не те, общественность бурно реагирует на такие дела, соцсети на дыбы встанут.

– Во-первых, толку от соцсетей, как от козла молока. Как всегда, повопят пару дней и утихнут. Во-вторых, это долгое дело, а учительница уже сейчас напугана, к тому же директор её уволил.

– Кого мы выбираем, а, командир? На кого ни посмотри в депутатах – одни упыри сидят! Ведь за него же кто-то голосовал, за этого футболиста? Кому-то он обещал работать на благо страны?

– Не философствуй.

– Твой-то в чём интерес? Она молодая, училка?

– Балбес ты, Коля! – рассердился Барсов. – При чём тут её возраст и мой интерес? Творится безобразие, не проходить же мимо?

Алексеев помолчал.

– Я бы начал со школы. Хочешь, пойдём вместе?

– Это было бы неплохо, – искренне обрадовался Барсов. – Подъезжай ко мне. Сходим в школу, к директору, потом в полицию, а потом и этого мерзавца-депутата, слугу народа, так сказать, разыщем.

– Еду.

Барсов переоделся, нашёл по компьютеру школу № 37 в Зябликове, узнал точный адрес и фамилию директора. Потом точно так же определил местонахождение отделения полиции № 11, которое обслуживало район, где стояла школа. Позвонил в отделение дежурному, представился просто: майор Барсов, – и выяснил, кто дежурил по району с утра двадцать второго мая. Повторил вслух:

– Сержанты Дяченко и Пёхов.

– Вы хотите с ними встретиться? – спросили у него; голос был женский. Теперь в полиции дежурили и женщины.

– Хотелось бы, – подтвердил Барсов. – Они работают или в отпусках?

– Работают, сегодня дежурят в парке Соловьиный. Могу их вызвать.

– Не надо, я сам туда подъеду, – отказался Барсов, выключил.

чая телефон.

Алексеев приехал через сорок минут. Он жил практически на МКАД, в районе Химок, в трёхкомнатной квартире, был женат уже семь лет и имел двух детей: шестилетнюю Леонсию и четырёхлетнего Данилу. Говорил, что жена ждёт третьего ребёнка. Как и Барсов, капитан любил скоростные машины и ездил на «семёрке» БМВ. Подъехав к дому майора, он позвонил:

– Я здесь.

– Поднимайся, кофейку сварганю, – предложил Барсов.

– Лучше потом, – отказался Алексеев. – Я уже утром чашку кофе выдул. Спускайся.

Выехали в начале двенадцатого. Пока ехали до школы, вспоминали операцию в особняке Лавецкого и погибших бойцов. Добраться к подземному бункеру генерала, оборудованному под станцию метро, не удалось, для этого нужно было очистить от обломков лифта весь ствол шахты, а для этого требовалось время. Но и без этого оба понимали, что в живых там внизу не осталось никого.

– Как думаешь, кто взорвал станцию? – спросил капитан.

– Это вопрос, – рассеянно проговорил Барсов, настраиваясь на тяжёлые переговоры с представителями власти. – Возможно, сработала система защиты бункера, не получив от хозяина инструкций. Но вероятна и команда извне. Поскольку Лавецкий был связан с исключительно серьёзной структурой, я имею в виду Бильдербергский клуб, обезопасивший

себя мифами и легендами ради того, чтобы в неё никто не верил, она должна была подстраховаться, потому что метро в древних тоннелях, кстати, тоже замаскированных историями о древних цивилизациях, это уже не миф. А утечки информации способны сильно помешать господам из Клуба.

– Думаешь, они подсуетились?

– Уверен на сто процентов. У Клуба должна быть структура, устраняющая утечки и препятствия, вплоть до физической ликвидации противника.

Машина остановилась у трёхэтажного здания школы, окружённого берёзами и тополями за красивой резной решёткой. По причине летних каникул на территории школы не мелькали ученики, не слышались их голоса, было неестественно тихо, и лишь у главного входа трое старшеклассников копошились на клумбах под руководством женщины в летнем сарафане.

Барсов и Алексеев подошли.

– Извините, – сказал майор, – здравствуйте, не подскажете, директор школы на месте?

Женщина лет сорока, с короткой причёской и одутловатым сонным лицом, с любопытством посмотрела на мужчин.

– А вы по какому делу?

– По важному, – улыбнулся Алексеев. – Мы из инспекции по делам несовершеннолетних.

– А-а... Борис Аркадьевич должен быть к двенадцати.

К воротам слева от здания школы подъехал чёрный «Мер-

седес» Е-класса. Ворота автоматически открылись, машина прошуршала по гравию, остановилась у главного входа.

– Да вот он, – сказала женщина.

Из «Мерседеса» выбрался тучный здоровяк с выдающимся пузом, обтянутым голубой рубашкой. Талия у здоровяка отсутствовала, и ремень брюк стискивал тело намного ниже, чем у обычных людей, так что брюки висели мешком почти до земли. Голова у директора была редкой формы – грушевидная. Венчал её голый бугор плечи. Маленькие свинные глазки в обрамлении выгоревших белых ресниц и красные щёки довершали портрет. В руках он нёс портфель с металлическими полосками и с женщиной не поздоровался, хотя она чуть ли не с поклоном проговорила:

– Добрый день, Борис Аркадьевич.

Барсов и Алексеев, переглянувшись, подошли к нему.

– Господин директор, – сказал Барсов, доставая и на мгновение открывая офицерское удостоверение, – майор Барсов, служба внутренней безопасности УВД «Зябликово». У нас к вам несколько вопросов. Мы расследуем инцидент с вашей учительницей Марией Ильиничной Кудашевой и депутатом Комаевым в конце мая.

Поднимавшийся по ступенькам крыльца директор школы остановился, окинул спецназовцев взглядом из-под белых ресниц, буркнул:

– Кудашева уволена.

– Вот по этому поводу мы и хотим поговорить.

– Мне некогда. И я уже имел дело с полицией.

– Это другой уровень, уважаемый, – усмехнулся Барсов. – Не хотите разговаривать сейчас, мы вызовем вас в Управление. Пришлём машину, с охраной.

Директор мигнул.

– Проходите.

Поднялись на второй этаж, директор открыл дверь кабинета, и Барсов увидел, в каких условиях работают нынче некоторые директора обычных средних школ.

Кабинет Бориса Аркадьевича был велик, как два класса, вместе взятых. И он был весь заставлен стеклянными шкафами и стеклянной на вид мебелью в стиле «хайтек», геометрия которой вызывала головокружение. По-видимому, хозяин кабинета являлся поклонником авангардного искусства, так как все стены его владений были увешаны картинами-инсталляциями современных художников, разобраться в смысловом содержании которых было невероятно сложно. Во всяком случае Барсов не смог уловить художественные тонкости ни одной из них, а картина за столом директора вообще погрузила его в транс. Это была буро-фиолетовая мазня размерами полтора на три метра, из которой вырастали красные загогулины, похожие не то на гигантскую колбасу, не то на кишки апокалиптического левиафана. Что хотел изобразить художник на этом полотне, осталось загадкой.

– Нравится? – несколько оживился директор, заметив остановившийся взгляд Барсова. – Моя работа. Называется

«Сквозь тернии».

– Мм-м... – промычал Алексеев.

– Да! – очнулся Барсов.

– Присаживайтесь. – Борис Аркадьевич уселся в мутного стекла кресло за мутного стекла столом, ухитрившись их не разбить. – Чем могу быть полезен?

Ещё раз показать гостей документы он не попросил.

– По какой причине вы уволили учительницу?

Борис Аркадьевич потускнел, мигнул, побарабанил толстыми пальцами по столешнице.

– Почему это заинтересовало службу безопасности полиции?

– По той простой, что у вас должны быть веские причины для увольнения. По нашим данным, её послужной список безупречен. Мы знаем, что вы встречались с Комаевым, и подозреваем, что он уговорил вас уволить Кудашеву, пригрозив своими связями. Я прав?

По лицу директора проползла тень.

– Я не обязан...

– Секунду, – остановил его Барсов, – давайте я обрисую ваше положение и ситуацию с депутатом, прежде чем вы начнёте качать права. Этот товарищ футболист абсолютно зарвался, полагая, что неуязвим. Но он ошибается. Грешков за ним тянется немало. В ближайшее время он вполне может сложить полномочия депутата и выйдет из состояния неприкосновенности. А там и сесть может... на несколько лет. За-

чем вам нужен такой друг? Это первое. Второе: когда мы размотаем это дело, окажется, что вы были в сговоре с преступником. Как вы думаете, вы останетесь директором?

Красные щёки Бориса Аркадьевича стали лиловыми. Он тяжело задышал, с минуту молчал, барабанил пальцами по столу и не отрывая от столешницы взгляда, поднял глаза.

– Чего вы хотите?

– Умные слова, – усмехнулся Алексеев.

– Первое: немедленно отозвать свой приказ об увольнении учительницы Кудашевой! Второе: немедленно позвонить ей, извиниться, пригласить в школу, признаться в ошибке и поговорить о воспитательном моменте для её учеников. И третье: если вы вдруг начнёте искать поддержку своим решениям в среде полиции или иных учреждений, мы займёмся вами всерьёз. Компромат на фигур вашего уровня нынче добыть очень просто. Договорились?

Свиные глазки директора недобро сверкнули, но раздумывал он недолго. Смысл слова «компромат» он понимал хорошо.

– Договорились. Я могу быть уверен...

– Можете, – кивнул Барсов, вставая. – Работайте спокойно, но мой вам совет: соблюдайте законы и не идите на поводу у таких, как господин Комаев. До свидания.

Алексеев, вставая за ним, достал айфон, сказал в экранчик будничным голосом:

– Шестой, снимите с объекта наблюдение.

Барсов заметил, как дрогнули брови Бориса Аркадьевича, но добавлять к словам Николая ничего не стал. У машины спросил:

– Надеюсь, шестой снимет наблюдение?

Алексеев смутился.

– Извини, командир, показалось, что этот жучара не сильно проникся серьёзностью нашего визита, вот и сочинил про наблюдение.

– Молодец, ты его озадачил. Может быть, он и послушается совета. Ну что, теперь к полициям?

– Давай, до пятницы я совершенно свободен, – рассмеялся Николай, вспомнивший знаменитый мультфильм. – Только спать хочется.

– Мне тоже, но теперь придётся доделывать дело. Едем в парк.

– Понял.

Парк Соловьиный занимал в Зябликове место рядом с главной площадью города, автовокзалом и церковью Святой Троицы. За последние годы его облагородили, очистили от мусора, засохших и упавших деревьев, посадили новые, разбили цветники, установили аттракционы и площадки для отдыха детей, и в хорошую погоду здесь было много гуляющих горожан, в том числе – молодёжных компаний. Но компании бывают разные, в Зябликове хватало и мажоров, и просто отморожков, время от времени устраивающих свои игрища, поэтому полицейским патрулям приходилось дежурить

на территории Соловьёного чуть ли не круглосуточно.

Связку сержантов Барсов и Алексеев обнаружили в кафешке «Посолонь» на берегу небольшого прудика. Один был здоровым бугаём под два метра ростом, с могучими плечами, белобрысым, с широким лицом деревенского увальня. Барсов определил его как Дяченко и не ошибся. Второй был намного ниже, худой и болезненный, судя по цвету его рябоватого лица и тоскливому выражению глаз. Оба сидели за столиком на открытой веранде и лениво потягивали из бутылок чай «Липтон».

Было жарко, и оба сняли белые форменные фуражки.

– Майор Барсов, – представился Барсов, показывая удостоверение, сел напротив; Алексеев остался стоять. – Управление собственной безопасности УВД. Представьтесь.

Сержанты переглянулись.

Худосочный нервно надел фуражку:

– Сержант Пёхов.

Барсов перевёл взгляд на здоровяка. Тот, помявшись, нехотя пробурчал:

– Сержант Дяченко, одиннадцатое РОВД.

– Встать! – негромко, но металлическим голосом сказал Барсов.

Худой вскочил.

В глазах бугая протаяла озабоченность, но он всё-таки поднялся, натянул головной убор.

Барсов выдержал паузу, глядя на него снизу вверх.

– Можете сесть. Мы не задержим вас надолго.

Худой сел, держа спину прямо.

Его напарник помедлил, обладая, видимо, реакцией коалы, опустился на стул, жалобно скрипнувший под его весом.

– Вас вызывали в школу номер тридцать семь в конце мая, – начал Барсов, – чтобы вы разобрались с депутатом-хулиганом Комаевым, напавшим на учительницу.

– Ну? – угрюмо выговорил Дяченко.

Алексеев фыркнул, продолжая стоять – руки в карманах джинсов.

– Почему вы отпустили негодяя?

Полицейские снова переглянулись.

– Он же депутат... – неуверенно сказал худой.

– Он ударил женщину! – не выдержал Алексеев. – Вытащил её за волосы из класса при детях! Это не повод для задержания?

– Он депутат, – тупо повторил Дяченко.

– Понятно, – сказал Барсов. – Для вас не существует закона справедливости, так как вы всегда можете спрятаться за формальной статьёй чиновничьего закона круговой поруки. Я не прав?

– Мы ничего... противозаконного... не делали.

– Так вы вообще ничего не делали, – сказал Алексеев. – Женщине чуть голову не проломили, волосы вырвали, а вы поговорили с подонком и отпустили!

– Действовали... по инструкции... доложили начальству.
Алексеев посмотрел на Барсова:

– Я бы уволил обоих к чёртовой матери, товарищ майор! Формализм у них в крови! Интересно, как бы они действовали, если бы депутат на их жён или сестёр напал? Тоже согласно инструкции?

– Мы... по закону... не имеем права... задерживать депутата...

Барсов встал.

Полицейские поднялись следом.

– Давно служите?

Озадаченные вопросом сержанты неуверенно поглядели друг на друга.

– Восемь лет, – буркнул верзила.

– Девять... – пискнул напарник.

– И за такой срок вы всё ещё сержанты?

– Служили... как все...

– Ну-ну, служите дальше. Адрес депутата Комаева знаете?

– Симонова, двадцать, – с готовностью сказал худой.

– Квартира?

– У него собственный дом в конце улицы, в лесу.

– Продолжайте дежурство, парни, и не дай вам бог попасть в ситуацию, схожую с защитой негодяя!

Спецназовцы покинули кафе, вернулись к машине.

– Ещё раз убеждаюсь, – сказал Алексеев горестно, – что пока младший сержантский состав полиции, так сказать,

опора закона, будет состоять из таких вот служаек, порядка в стране не будет.

– Смотри глубже, – хмыкнул Барсов. – Рыба гниёт с головы. Пока у власти у нас либералы, во всех государственных структурах будут работать коррупционеры, в том числе и в полиции. Кого они возьмут на работу? Таких сержантов, как этот громила Дяченко и дистрофик Пёхов.

– Да уж, наверно. – Алексеев завёл машину. – Куда теперь?

– А давай-ка наведемся домой к депутату.

– Он же, наверно, на работе. Если, конечно, протираие штанов в Заксобрании можно назвать работой.

– Если на работе, поедem в Управу.

Бывший футболист, странным образом избранный в заксобрание Зябликова, жил, как оказалось, на широкую ногу.

У него имелся двухэтажный коттедж, стилизованный под крытый стадион, земельные владения площадью в один гектар, обнесённые четырёхметровой высоты стеной, напоминающей стену Московского Кремля, и крутая машина – «Мазератти S560» цвета серебра. Поскольку «Мазератти» стоял сразу за воротами усадьбы, можно было надеяться, что хозяин дома, хотя четверг двадцать четвёртого июня был рабочим днём, и все депутаты должны были заниматься трудовой деятельностью. С другой стороны, гарантий, что Комаев соблюдает распорядок дня, не было никаких.

Так и оказалось: хозяин роскошного особняка находился

на территории своих владений.

– Не понимаю, на кой ему надо было идти в депутаты? – проворчал Алексеев, когда они подошли к калитке в «крепостной» стене.

– Захотелось вкусить власти, – усмехнулся Барсов. – К тому же депутатство – отличная кормушка. Ты не представляешь, какие блага даёт этот чиновничий курятник! Поэтому за место в таких структурах и идёт драка – до двадцати человек на место!

– Чтоб я так жил! – восхитился капитан.

На калитке из крашеного дуба виднелся дверной глазок, а над калиткой торчал глазок видеокамеры.

Барсов тронул кнопку домофона.

– Слушаю, – раздался басовитый голос.

– Полиция к Комаеву, майор Барсов.

– Он уезжает.

– А, тем лучше. Это его «Мазератти» за воротами?

– Да, его.

Гости поспешили к начавшим раздвигаться створкам ворот. Дождались, когда машина тронется с места, и Алексеев перегородил ей дорогу. Барсов подошёл с левой стороны, показал удостоверение.

Водитель, чернявый смуглолицый парень, опустил стекло дверцы.

– Вам чего?

Дверца машины со стороны переднего пассажирского си-

дня приоткрылась. Там сидел мощный мужик в белой тенниске и чёрных очках – телохранитель депутата. Сам Комаров занимал место на заднем сиденье. Он раздражённо наклонился вперёд, просунув голову между плечами водителя и телохранителя.

Барсов никогда не играл в футбол и фанатом игры не являлся, поэтому в лицо игроков российских команд не знал. Зато знал Алексеев, болевший за столичный ЦСКА.

– Я его помню, – проворчал капитан, стоя сзади в своей обычной позе – руки в карманах. – Года три назад он подрался с каким-то журналистом, сломал ему челюсть. Дали год условно. А ещё у него недавно украли часы за двадцать три лимона, вся Сеть гудела.

– Майор Барсов, – повторил Вениамин, – Управление собственной безопасности УВД. У нас к вам разговор.

– Мне некогда.

– Мы вас не задержим.

– Подъезжайте в Управу завтра.

Барсов посмотрел на капитана, и Алексеев сорвался с места, мгновенно открывая дверцу и вытаскивая успевшего только пискнуть водителя. Толчком отправил его к воротам, занял водительское место.

Телохранитель депутата ошеломлённо глянул на него, потянулся к кобуре под мышкой, но Барсов, рванув дверцу переднего пассажирского сиденья, умело выдернул здоровяка из кабины, отработанным приёмом выхватил у него пистолет

и направил ствол в лицо. Парень с типичным лицом зэка (у него когда-то был сломан нос) замер.

– Не мешай, – мягко посоветовал Барсов. – Отойди в сторонку и подожди, пока мы побеседуем с твоим боссом. Ничего с ним не сделается.

– Вы что творите?! – обрёл голос Комаев. – Это же нападение на неприкосновенное лицо...

Барсов закрыл переднюю дверцу, открыл заднюю, сел, потеснив обалдевшего депутата.

– Помолчи, неприкосновенное лицо. В конце мая ты попал на учительницу тридцать седьмой школы, ударил её бутылкой, матерился, помнишь?

Ошеломление стало покидать располневшее лицо Комаева, украшенное мешками под глазами. По-видимому, депутат давно перестал заниматься спортом, выпивал, и это отразилось на его облике.

– Кто вы такие?! – Он потянул из кармана безрукавки лопатник айфона.

Барсов отобрал телефон, подумав, что стоит такой аппарат недёшево.

– Управление собственной безопасности, – повторил майор свою легенду. – Полицейские, отпустившие тебя, будут наказаны. Их начальник – тоже. Очередь за тобой. Мы не будем выяснять, чем ты руководствовался, избивая женщину, как не будем и читать мораль. Не надейся на свои связи, сейчас сажают и губернаторов, и генералов, и чекистов.

Никто не рискнёт тебя защищать. А начнёшь качать права, коих у тебя нет, неожиданно попадёшь в ДТП. Я доходчиво объясняю ситуацию?

Комаев, у которого уже выросло брюшко, хотя было ему от силы тридцать пять лет, взмок.

– Я... вас...

– Закатаю в асфальт! – закончил Алексеев, фыркнув.

Барсов стиснул плечо депутата с такой силой, что того перекосило.

– Ай! Отпусти!..

– Понял, спрашиваю?

– Чего вы хотите?!

– Справедливости, – усмехнулся Алексеев, посматривающий на телохранителя, что-то бубнившего в пластину айфона.

– Первое: ты сегодня же извинишься перед учительницей! Второе: больше никогда не сунешь нос в школу! Мы не станем настаивать, чтобы ты добровольно ушёл в отставку с поста депутата, но заерепенишься – скинем весь компромат на тебя в Сеть. Грешков у тебя немало. А когда на Управу обрушится гнев пользователей Интернета, власти быстренько избавятся от тебя, желая сохранить свои кресла. Как тебе перспектива?

– Вы... не имеете права...

– Ох, только давай без соплей. Мы следим за каждым твоим шагом и шутить не намерены. Не последуешь совету доб-

ровольно, по-хорошему, организуем исцеление по-плохому. Будет больно. Хочешь проверить?

Комаев начал приходить в себя.

– Вы... гоните... безопасность УВД не занимается гражданскими...

– Не занимается, – согласился Барсов, – если её не попросят вмешаться. И у простых учителей могут быть могучие защитники. Наш полковник имеет свои резоны и связи в сфере образования, так что, если будет необходимо, он подключит структуры другого уровня. К тебе придут мальчики покруче. Ну, как, договорились?

Комаев сглотнул, растирая плечо, криво улыбнулся:

– Договорились.

Барсов вынул из пистолета телохранителя (это был новенький «Макаров М-2») обойму, кинул оружие не переднее сиденье и вылез. За ним вылез Алексеев.

Телохранитель кинулся к машине, гнусава:

– Босс, я вызвал полицию...

– Дурак, – слышалось из кабины, – они тоже из полиции, садись.

Отойдя в сторонку, спецназовцы понаблюдали за суетой у ворот (выглянули ещё два парня), дождались, пока «Мазератти» уедет, сели в свой «БМВ».

– Не уверен, что он исполнит наши требования, – сказал Алексеев. – Заметил, какая у него хитрая испитая физиономия? Может, поговоришь с шефом, организуем показатель-

ную слежку, чтобы убедился, что мы не блефуем?

– После всех контактов с президентом? Гаранину будет не до того. Остаётся надеяться, что наш разговор с футболистом не останется без последствий.

– Ага, особенно если он начнёт махать кулаками.

– Это будет означать, что нынешние «слуги народа» ничего не боятся, имея «крыши» в верхах, где сидят отморозки крупнее в размерах. Тогда придётся заниматься этим делом всерьёз, поднимать группу.

Алексеев тронул машину с места:

– Куда теперь?

– Подвези домой, залягу спать.

Через полчаса Барсов был дома.

* * *

Проспал он до самого вечера, отключив мобильный и радиацию, посчитав, что в этот день имеет право на долгое горизонтальное положение. Разбудил его в половине седьмого звонок в дверь. Гадая, кто это мог быть, Барсов заглянул в глазок и увидел соседку, история которой подвигла его направиться в поисках справедливости вне сферы служебной деятельности. Открыл дверь.

– Маша?

Учительница зарделась под его взглядом, но глаз не опустила.

– Мне звонил Борис Аркадьевич... директор школы...

– Да? – ненатурально удивился Вениамин.

– Меня восстанавливают в должности.

– Очень хорошо, – обрадовался Барсов. – Я знал, что правда восторжествует. Что вы ответили директору?

Мария Ильинична пристально посмотрела на майора:

– Это ваших рук дело? Вы были у директора?

– Ну, заехал по пути, мы хорошо побеседовали о том о сём. Надеюсь, и ваш обидчик ещё принесёт свои извинения.

– Не нужны мне его извинения. Почему вы решили... вмешаться в это дело?

Барсов спохватился:

– Что же мы стоим на пороге, заходите, чайку-кофейку попьем.

– Неудобно...

– Что ж тут неудобного? – улыбнулся он, вдруг заметив, что учительница хороша собой. Ей очень шёл летний сарафан в синий горошек, губы она не красила, они у Марии Ильиничны и так были яркие, полные, а серые, с зеленоватым оттенком глаза смотрели открыто и прямо.

– Мы с вами живём рядом давно, а по сути, незнакомы.

– Спасибо...

– Не за что. – Он посторонился, пропуская женщину, от которой пахло не духами, а свежескошенной травой.

На мгновение в памяти шевельнулся образ другой женщины – Евы, дочери соседа по даче, полковника в отставке

Болотова, но тут же растаял.

Барсов усадил гостью на диван в зале, приготовил кофе, насыпал в вазочки любимое овсяное печенье, орехи, глянул на себя в зеркало, чтобы оценить, как выглядит (надо было побриться утром, мелькнула мысль), и присоединился к учительнице, с любопытством разглядывающей интерьер комнаты. Налил кофе себе и ей.

– Пейте, кенийский, ручной обжарки. Или сначала пропустим по глоточку винца? У меня есть автохтонный «Киндзмараули», Саша снабжает, у него в Грузии родственники живут.

– Кто это?

– Саша Виткер, боец моей группы. Я ведь майор Росгвардии.

– Тогда понятно.

– Что понятно?

– Почему мне Борис Аркадьевич позвонил.

Барсов рассмеялся:

– Значит, проникся уважением.

– Всё равно не надо было связываться.

– Знаете, если честно, за Россию стало обидно. Сколько же она кормит упырей и ублюдков, как этот футболист Комаев, прорвавшийся в депутаты.

– Обиды и негодования похожи на яд, который вы пьёте в надежде на то, что отравятся другие. Счастье начинается с прощения.

– Это кого вы процитировали?

– Кэсси Комбдена.

– Кто это?

– Псевдоним неизвестного автора, афоризмы которого часто публикуются в Сети.

– Разве такое бывает?

Мария Ильинична улыбнулась:

– Встречается.

– Что ж, возможно, этот афорист прав, но если мы каждый раз будем отступать и прощать подонков, жизнь лучше не станет. Таких, как Комаев, надо учить жёстко, они понимают только силу.

– Хотите ещё афоризм?

– Этого... как его... Кэссиди Комбдуна?

– Нет, Франка Шуберта.

– Валяйте.

– Хочешь порадоваться мгновение – отомсти, хочешь радоваться всю жизнь – прости.

Барсов покачал головой:

– Очень умно... я не слышал. Может быть, я и переменю своё мнение. Так что насчёт вина?

– Нет, благодарю, в другой раз. А злобу лучше всего наказывать пренебрежением, это моё правило.

– Хорошее правило. – Барсов поднял чашку. – Вы меня почти уговорили. Будем!

Мария Ильинична засмеялась, поднимая свою чашку.

– Вы умеете отступать, товарищ майор. А чем вы занимаетесь в свободное время?

– Времени свободного у меня почти не бывает. Но если вам интересно...

Разговор перешёл в другую плоскость.

Барсов рассказал гостю, что любит встречаться с друзьями, отдыхает на даче, путешествует, с удовольствием читает классику, беря книги у деда, известного библиофила. Признался, что в соцсетях не сидит часами, как другие, считая это увлечение колоссальной проблемой молодого поколения. Закончил:

– По сути торчок в Инете – болезнь, причём прогрессирующая, и сможет ли переболеть им человечество, не деградируя, большой вопрос.

– Вы правы, – погрустнела Мария Ильинична, – нам всё труднее заставить учеников включать собственный мозг. Не помогают ни правила, ни принимаемые законы, ни примеры. Учить детей мыслить самостоятельно стало невозможно.

– Надо чаще использовать традиционные методы воспитания, – убеждённо сказал Барсов.

– Какие?

– Ремень! И в угол коленками на крупу!

Маша засмеялась, отчего лицо молодой женщины удивительно расцвело и похорошело.

– Бить и наказывать углом нельзя.

– Раньше именно так учили непослушных, дед рассказы-

вал, и ничего, никто не жаловался в Совет Европы или в ООН, и хорошие люди вырастали.

Перешли на шуточный тон, затронули множество тем, волнующих, как оказалось, обоих, от культуры и атак на русский язык до медицины, потом гостя спохватилась, что к ней должна подойти подруга, и убежала, оставив после себя восхитительный букет запахов.

«Надо же! – подумал Барсов, прислушиваясь к самому себе. – Ты не обалдел, майор? Она же не в твоём вкусе...»

«Помолчи! – оборвал он голос второго «я», – много ты понимаешь...»

Размышляя о поворотах судьбы, Вениамин убрал посуду и позвонил Калёнову, вспомнив, что полковник ГРУ в отставке уехал домой из усадьбы Лавецкого сильно помятым.

Максим Олегович отозвался не сразу, словно долго добирался до телефона:

– Да!

Это железное «да» вызвало у Барсова улыбку. У полковника в отставке был глубокий звучный баритон, от которого завибрировало ухо. Вспомнился термин, которым награждали в спецслужбах таких оперативников – рекрут, то есть реально крутой боец. Пришла мысль, что он, майор Барсов, счастливый человек, потому что Калёнов стал ему другом. Правда, к этому чувству примешивалась щемящая нотка сожаления, порождённая тем обстоятельством, что понравившаяся ему женщина выбрала не его, а Калёнова, несмотря на

возраст полковника в отставке.

Впрочем, признался сам себе Барсов, Максим Олегович был достоин такой женщины, как Ева. Тем более что знакомы эти двое были давно.

– Максим Олегович, приветствую. Как дела?

– Норм. А у тебя?

Барсов только собрался ответить, как раздался металлический щелчок – включилась рация, настроенная на экстренную связь.

Он извинился перед Калёновым, прервал разговор и поднёс к уху аппарат, закамуфлированный под браслет часов.

– Слушаю.

– Майор, – раздался из циферблата глуховатый голос полковника Гаранина, – срочно в штаб! Одна нога там, другая здесь!

Ёкнуло сердце:

– Что случилось, Владимир Силович?

– Будем сдавать дела, нас отправили в отставку.

Барсов не поверил ушам:

– Что?! Как это – нас отправили...

– Назначен новый директор гвардии, он, в свою очередь, ставит на главные посты своих людей.

– Но как же... мы же – ГОН...

– ГОН расформировывается. Короче, дуй сюда быстрее, надо кое-что успеть сделать, пока не перекрыли доступ к компьютерам.

Рация замолчала.

Барсов аккуратно нацепил браслет на руку – в голове пустота! – попытался поймать родившуюся, но ускользающую мысль. С трудом поймал. Мысль была: кто-то затеял хитрую игру, решая свои проблемы. Но кто? Президент? Новый командующий Росгвардией? Или кто-то ещё? Кто может быть заинтересован в расформировывании группы особого назначения, готовой дать отпор как внешней силе, так и внутренним предателям?..

Ладно, очнулся он, узнаем в конце концов. Как там говорил острец: на каждую хитрую задницу всегда найдётся свой пенис с винтом.

Барсов ухмыльнулся, чувствуя вспыхнувший азарт, и начал собираться.

Центр специального назначения сил оперативного управления и авиации Росгвардии располагался на улице Красноказарменной, 9А, и Барсов добрался до него к девяти часам вечера, когда уже смеркалось.

Поставил машину на служебную стоянку возле главного корпуса, нашёл флигель, в котором располагался штаб СОБРа «Рысь», позвонил Гаранину:

– Я прибыл, товарищ полковник.

– Зайди ко мне, – коротко сказал Гаранин.

Барсов миновал холл здания, в котором наблюдалась необычная для этого времени суе́та, свернул в левое крыло и вошёл в кабинет начальника ССО.

Гаранин сидел перед экраном компьютера, поглядывая на него и одновременно сортируя на столе какие-то папки, бумаги и диски.

– Что происходит, Владимир Силович? – спросил озадаченный Барсов.

– У тебя в компе нет компромата? – осведомился полковник, не поднимая головы.

– Какого? – ещё больше озадачился Вениамин.

– По операциям, на каких-либо больших людей, на криминал.

– В пределах служебных операций. Ничего ценного я в машине не храню, всё здесь. – Барсов постучал пальцем по лбу.

– Проверь на всякий случай.

– Что за революция обрушилась на нас?

Гаранин оторвал взгляд от бумаг, поднял на подчинённого посветлевшие глаза.

– Все дела ГОН передаются службе безопасности президента. Что-нибудь слышал о «Прикрытии»?

Барсов покопался в памяти.

– Секретное подразделение президента... подчиняется только ему...

– Теперь делом Лавецкого и Бильдербергского клуба будет заниматься «Прикрытие».

– Нас-то за что в отставку?

– Мы становимся лишними, неудобными свидетелями,

так что не становись в позу обиженного и не начинай качать права.

– Я и не собирался.

– Быстро к себе, проверь комп и обратно ко мне, пойдём к Соломонову.

Барсов непонимающе глянул на Гаранина:

– К Соломонову? Начальнику штаба?

– Теперь он командующий. Не тяни время, жду через четверть часа.

Барсов поспешил в свой кабинет, располагавшийся в этом же крыле здания, и обнаружил там Алексеева.

– Коля? Ты что здесь делаешь?

– Вот, велено принять у тебя дела, – смущённо признался капитан.

– Час от часу не легче! Меня увольняют, а тебя сажают на моё место?

– Я здесь ни при чём, командир. – Алексеев вспыхнул, но глаз не отвёл. – Сам узнал о назначении минут сорок назад.

Барсов покачал головой:

– Интересные дела творятся в нашей епархии, товарищи гвардейцы. У меня возникают смутные сомнения...

– У меня тоже.

– А у тебя какие?

– Заговор мы раскрыли, но кто-то позавидовал успеху и включил систему демпфирования. Дело раскрутят другие или же, наоборот, спустят на тормозах. Боюсь, как бы мы не

стали крайними.

– Но если тебя оставили, есть надежда, что по крайней мере обвинять нас в участии в заговоре не станут.

– Командир, – выпрямился Алексеев; он был почти такого же роста, что и Барсов, только вдвое уже в плечах. – Можешь на меня положиться! Что узнаю я, будешь знать ты. Мы за тебя все горой, не сомневайся.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Барсов, протягивая руку.

Николай горячо потряс её.

К Гаранину Барсов вернулся полный уверенности, что за свои тылы он может быть спокоен. Ни Алексеев, ни бойцы группы «Рысь» не могли его предать. Он знал каждого в течение многих лет и доверял всем.

– Идём, – сказал начальник ССО, когда майор переступил порог кабинета. – Проверил записи?

– Передал дела Алексееву, всё нормально.

– Ничего нормального не вижу, но что имеем, тем и владеем.

В кабинете командующего Росгвардией, который совсем недавно занимал Лавецкий, было шумно. Место адъютанта занимал незнакомый молодой капитан с внимательными карими глазами и пышной шевелюрой – ёжиком. Кроме него в предбаннике кабинета беседовали мужчины, двое – в генеральской форме, два полковника и двое в штатском. Барсов знал только полковников, занимавших важные посты в иерархической структуре Росгвардии – в информационной

сфере и в снабжении.

На вошедших обратил внимание только адъютант.

– Проходите, товарищ полковник, – вышел он к Гаранину с озабоченным видом, – главный уже спрашивал про вас.

Дверь, на которой недавно висела табличка «Лавецкий В. С.» (в рамочке теперь не было фамилии, наверно, не успели сменить), открылась, приглашённые вошли.

Новый главком Росгвардии, ещё довольно молодой (ему исполнилось пятьдесят лет), худой, с бледноватым костистым лицом вегана и большим лбом, был не один. За Т-образным столом сидели ещё двое мужчин в гражданских костюмах, и у Барсова сжались мышцы живота: один из гостей Соломонова руководил службой внутренней безопасности Росгвардии. Невольно вспомнился депутат Комаев, которому Барсов и Алексеев представились как сотрудники внутренней безопасности УВД. Странное пересечение ситуаций показалось опасным.

Сидевшие за столом повернули головы к двери.

Соломонов мельком глянул на Барсова и стал смотреть на Гаранина:

– Товарищ полковник, решением главнокомандующего России вы отстраняетесь от командования бригадой ССО и помещаетесь под домашний арест на время следствия по делу Лавецкого.

Барсов онемел, с изумлением повернув голову к Гаранину, перевёл взгляд на командующего.

– Товарищ генерал!

– Молчи! – глухо сказал Гаранин. – В чём меня обвиняют, Григорий Дмитриевич?

– Пока ни в чём, – без улыбки ответил Соломонов. – Следствие покажет. Возможно, вы допустили утечку секретной информации, что привело к потере контроля над ситуацией в подземном бункере Лавецкого, и мы потеряли доступ к вещественным доказательствам преступления командующего. Прошу сдать дела.

– Кому?

– Мне, – сказал второй гость Соломонова, которого Барсов не знал.

Мужчина выглядел добродушным участником ток-шоу, каких нынче много на телевидении, но глаза его вдруг на миг стали колючими и оценивающими, словно у эксперта-психолога в том же ток-шоу типа «На самом деле» на Первом канале.

– Генерал Перекопов, – представил его Соломонов. – Вы свободны, товарищи.

– Я тоже? – на всякий случай спросил Барсов.

По губам Перекопова скользнула тонкая улыбка.

– Сдавайте дела преемнику, – добавил Соломонов. – Из города просьба никуда не выезжать до окончания расследования. Обоим необходимо заполнить протокол о хранении гостайны. Всего хорошего.

Барсов и Гаранин повернулись и вышли, унося на спинах

кирпичи взглядов присутствующих.

В коридоре полковник повернул голову к Вениамину и сказал бесстрастно:

– Узнал второго?

– Н-нет, – сказал Барсов. – По-моему, ни разу с ним не встречался.

– Перекопов – бывший начальник службы охраны президента, он и руководит «Прикрытием».

– Вы его знаете?

– Знал... когда-то.

– У него взгляд как у рентгеновского аппарата. Нам надо его бояться?

– Посмотрим.

К идущим по коридору мужчинам подошли двое парней одинаковой комплекции и в одинаковых серых костюмах.

– Товарищ полковник, – сказал один из них с виноватым видом, – нам приказано сопроводить вас домой.

Барсов перехватил взгляд Гаранина и понял, что с этого момента и у него, и у командира начинается веселая адреналиновая жизнь.

Композиция 3.

Пенсионер на распутье

Подмосковье

Ева встретила его так, что Калёнов забыл и о Лавецком, и о заговоре, и своих болях в груди, причиной которых были мощные удары генерала, оказавшегося резидентом не какой-то стандартной зарубежной спецслужбы, а Бильдербергского клуба, организации, о деятельности которой было сложено множество легенд и слухов и которая на самом деле представляла собой тайное мировое правительство.

Заметив, как он морщится, Ева развила бурную деятельность: свозила его на рентген в ближайшую поликлинику Вереи, где выяснилось, что рёбра у Калёнова целы, хотя гематом насчитывалось чуть ли не с десятков, потом в аптеку за лекарствами, и уже в девять часов утра он, сонный и чистый после душа, лежал в кровати и пил горячий чай с кизилковым вареньем.

Впрочем, Ева не дала ему уснуть, переодевшись в халатик, подчеркивающий её прелести, и он не удержался, пригласив женщину к себе, когда она заботливо поправляла на нём простыню. У неё были впечатляющие груди, от которых Калёнов сходил с ума (признаваясь себе в этом). В ее тридцать пять лет они поднимали халат двумя зенитными ракета-

ми, и удержаться, чтобы не погладить их, было невозможно. Калёнов и не сопротивлялся своему желанию, не выпуская Еву из рук. Скользнув затвердевшими сосками по его груди, она легла на него, её волосы накрыли лицо Максима копной сена, и он перестал думать о чём-то (боль отступила), кроме восхитительной близости тела любимой женщины...

Потом он уснул и проспал до вечера, пока она не разбудила его, подав чашку горячего пунша.

– Пей, это придаст тебе...

– Силы? – очнулся он.

– Смысла жизни, – рассмеялась она.

Проснулось желание жить активно.

– Предлагаю пообедать.

Ева снова залилась смехом:

– Уже семь часов вечера.

– Ничего себе поспал! – Калёнов подхватился, закружил Еву по комнате, не обращая внимания на боль в синяках, но вынужден был отпустить, услышав звонок смартфона.

Звонил Барсов, интересовался, как здоровье, положили его в больницу или нет.

– Не положили, – ответил Максим Олегович, забираясь в бытовой блок с ванной и туалетом. – Отделался ушибами и ссадинами, через пару дней буду как новый. Добрались до бункера?

– В шахту рухнули обломки лифта, надо выгребать их наверх, а это всё-таки сто метров глубины. Понадобится вре-

мя. – Барсов помолчал. – Но у нас любопытные новости.

Пришло ощущение беды:

– Плохие?

– Пока не знаю. Меня и полковника Гаранина отправляют в отставку, ГОН расформировывают, дело Лавецкого передают «Прикрытию».

Калёнов сел на унитаз, поражённый словами майора.

– Служба безопасности президента...

– Так точно. Я еду на базу, потом расскажу подробности.

– Не нравится мне это.

– Мне тоже. – Связь прервалась.

Калёнов выключил мобильный, посидел, размышляя, какие силы сдвинули колесо истории, переводя стрелки решения проблемы заговора на иные рельсы, залез под душ и с наслаждением вымылся, едва не сдирая кожу жёсткой губкой. Вылез из ванной задумчивый.

– Что это с тобой? – удивилась Ева, увидев его красное лицо. – Кипятком мылся?

Он коротко рассказал женщине содержание речи Барсова.

– Ну и что? – пожала Ева плечами. – Это их дела, нас они не касаются.

– Как сказать...

– Как ни говори, мы в спецназе Росгвардии не служим. Нечего рассуждать на эту тему. Веня позвонит и всё объяснит. Предлагаю пойти поужинать в ресторан. Ты как?

Калёнов почувствовал голод и перестал думать о послед-

ствиях странного решения командования Росгвардии о ликвидации ГОН.

– Я – за. Куда пойдём?

– Ты лучше знаешь Верею, ты и предлагай.

Калёнов почесал в затылке.

Он жил в Верее более пятнадцати лет, но в ресторанах и кафе небольшого городка на реке Протве бывал редко, предпочитая готовить еду дома. Тем не менее знал пару неплохих заведений подобного рода и назвал одно из них:

– «Бородино» подходит?

– Ну и название! – фыркнула Ева. – Уж не в честь ли сражения названо? Надеюсь, французы нам не преградят дорогу?

– Хорошее кафе.

– Ты там был?

– Дважды, – признался Калёнов.

– С девушками?

Он улыбнулся:

– Кому нужен безволосый старик?

– Мне, – засмеялась Ева.

– Кафе старое, но уютное, и готовят вкусно.

– Уговорил, собираюсь. Кстати, пока ты дрых, звонила Ксюша, моя сотрудница, приглашала сходить на фестиваль японской культуры. Пойдём завтра?

– Конечно, – легкомысленно согласился Калёнов, с удивлением подумав, что действительно давно никуда не ходил.

Работал он в пансионате «Акварели», расположенном всего в девяти километрах от дома, командовал охраной пансионата, а в группу особого назначения попал случайно, когда на него по совету соседа по даче Болотова вышел Барсов, подбравший команду «для отстрела негодяев», как шутил майор. С отстрелом не задалось, так как вся комбинация с созданием ГОН была инспирирована Бильдербергским клубом, у которого в России оказались свои резиденты, и закончилось всё схваткой с Лавецким, работающим на Клуб.

– Где этот фестиваль проходит?

– В Ботаническом саду МГУ «Аптекарский огород».

Калёнов улыбнулся:

– Только там японской культуре и место.

Что будет дальше, после раскрытия заговора агентуры Клуба с целью ликвидации президента России, он не задумывался. Тем более что Барсов сообщил о расформировании ГОН. В конце концов можно было вернуться в пансионат, у директора которого Максим Олегович попросил отпуск на две недели, и Калёнов склонялся к этой идее, полагая, что закончил свои «экстремальные выходы в свет» окончательно. Рейд ГОН в Лихтенштейн для захвата главного разработчика антироссийского заговора Фрика сорвался в связи со взрывом бункера Лавецкого, и на всей операции можно было поставить крест. Этой проблемой должна была теперь заниматься спецкоманда «Прикрытия». Калёнов же считал, что он в этой ситуации будет не нужен российским спецслужбам.

Жил Максим Олегович в пятиэтажке на Второй Набережной улице, недалеко от церкви Богоявления. Квартира принадлежала старшему брату Калёнова Дмитрию, а переехал он в Верею из Москвы, когда брат умер в восемьдесят три года, а сам Калёнов уволился в запас.

Дети Дмитрия давно жили отдельно и менять места жительства не захотели. Так Максим Олегович и оказался в Верее, которая ему понравилась патриархальной тишиной и чистотой, а также густыми смешанными лесами, окружающими городок.

Располагалась Верея в Наро-Фоминском районе Московской губернии, в ста десяти километрах от столицы. И проживало в ней всего около пяти тысяч человек. А название своё городок получил, по одной из версий, от словечка «верей», обозначавшего небольшой надел земли или клин поля.

Машину (у него была служебная «Хёндэ Кисс», которой Калёнов пользовался как своей) он ставил во дворе, но ехать на ней в ресторан не захотел. Предполагалось, что они с Евой возьмут там бутылочку хорошего вина.

Доехали быстро, несмотря на приличный для малого поселения поток автомобилей.

Внешний вид кафе Еве не понравился, так как одноэтажное здание, по её словам, походило на старую станционную постройку пятидесятих годов прошлого века, однако внутри помещение оказалось уютным, а когда подали заказанные блюда, дочка Болотова и вовсе повеселела, оценив кухню за-

ведения.

Выпили по бокалу красного итальянского вина «Иди ди Марцо», вспомнили отцов, предпочитавших более крепкие напитки, и тут Калёнов неожиданно почувствовал, что за ним наблюдают.

Несколько минут он вёл себя, как и прежде, стараясь выглядеть счастливым и беззаботным, потом вычислил наблюдателя и больше уже не терял его из виду.

Ева же была счастлива по-настоящему и ничего не замечала, щебеча на разные темы, покрасневшая от еды и нахлынувших чувств.

Тревога за Калёнова, согласившегося войти в группу спецназа для захвата европейских деятелей Клуба, готовивших переворот в России, растаяла после объявления им о роспуске ГОН, и женщина расслабилась, считая, что все беды и опасности позади.

– Посиди минуту, – шепнул ей Калёнов, – я сейчас.

Пришла мысль позвонить Косте Яшутину и попросить подъехать к кафе. Лейтенант ещё утром, подвозя его к дому, сказал, что навестит дом сестры в Митяево, а так как посёлок располагался недалеко от Вереи, Костя мог добраться до города всего за полчаса. Вдвоём они быстро выяснили бы, кто заинтересовался полковником ГРУ в отставке, нынче пенсионером.

Однако Костя не ответил на звонок, а когда Калёнов вернулся в зал, подозрительного типа в обычном летнем костю-

ме: джинсы, кроссовки, серая рубашка-апаш, чёрные очки – уже не было.

– Что-то ты стал задумчивым, – заметила Ева, ведя его под руку от автомобиля в подъезд. – Устал? Или я тебе надоела своими фиоритурами?

– Устал немного, – согласился Калёнов, решив не пугать спутницу своими подозрениями.

– Ты же спортсмен.

– Я спортсмен, дисквалифицированный жизнью за грехи молодости, – отшутился он.

Ева фыркнула:

– Не скромничай, ты любому молодому спортсмену дашь фору.

– Ну, не любому...

– Веня красочно расписал, как ты надавал лещей Лавецкому, а он выше и шире тебя в два раза.

Калёнов почувствовал укол боли в груди, где остался след удара Лавецкого, и вспомнил схватку с генералом в лифте, а потом в подземном бункере мини-метро. Всё могло закончиться печальнее, всё-таки командующий Росгвардией не зря считался великолепным рукопашником, и если бы не опыт Калёнова и физическая форма, которую он неукоснительно поддерживал в течение всей жизни, даже уйдя на пенсию, из бункера живым он бы не выбрался.

– И ещё одна проблема, – сказала Ева, повернув его лицом к себе, когда они зашли в прихожую. – Я хочу жить с тобой!

– Кто же тебе мешает? – удивился он. – Ключ у тебя есть, можешь в любой момент...

Ева сдвинула брови:

– Ты не понял! Я хочу жить с тобой, а не приходить сюда как гостя. И ещё я хочу детей!

Он взгляделся в полные ожидания, беспокойства и надежды глаза женщины, поцеловал её в полуоткрытые губы, и это был ответ, какого она ждала...

* * *

Наутро он решил съездить в пансионат, предварительно позвонив директору о своём возвращении в привычную обстановку.

Ответ Симанчука озадачил.

– Есть проблема, полковник, – мрачно проговорил Валерий Романович. – Пришло распоряжение из органов...

– Первый раз, что ли? – не придав Калёнов значения словам Симанчука. – Решим.

– Меняется система охраны пансионата, и тебе придётся... короче, приезжай, я на месте.

Калёнов и поехал, оставив Еву нежиться в постели.

Симанчука он встретил в холле главного корпуса беседующим с двумя рабочими в спецовках.

Был Валерий Романович тучен, громаден, как боец японской борьбы сумо, и малоподвижен. Ему исполнилось недав-

но пятьдесят семь лет, но выглядел он на десять-пятнадцать лет старше, разительно отличаясь от шестидесятидевятилетнего Калёнова.

– Потом подойдёте, – отпустил он рабочих, пожал руку Калёнову. – Быстро ты.

– Воскресенье, дороги пустые. Как сын?

– Нормально, приходит в себя.

Речь шла о внуке Валерия Романовича, увлёкшемся суицидальным сайтом «Розовый слон» Иване, которого Калёнову удалось спасти от гибели. Максим Олегович с помощью знакомого айтишника выяснил адрес координатора «группы смерти», призывающего молодых людей убить себя, после чего им занялись спецслужбы. А Иван перестал торчать в Интернете и искать «соблазн умереть».

Зашли в кабинет. Симанчук занял своё место, сказал, не глядя на начальника охраны:

– Сядь.

Калёнов сел, предчувствуя недоброе.

– Вот, читай. – Симанчук сунул ему лист бумаги.

Калёнов прочитал письмо, подписанное начальником УВД Вереи Селивёрстовым. В письме говорилось о передаче пансионата «Акварели» в ведение управделами УВД и переходе системы вневедомственной охраны на ведомственную. То есть пансионат теперь должны были охранять полицейские, в связи с чем вся команда охраны увольнялась, в том числе и её начальник, то есть Калёнов Максим Олегович.

– Ничего не могу сделать, Максим, – криво улыбнулся Симанчук, разводя громадными руками. – Сам, наверно, не усижу в этом кресле. Так что сдавай дела, там тебя уже дожидается какой-то капитан.

– Дела! – задумчиво проговорил Калёнов, пытаясь осмыслить происходящее. – Когда поступило письмо?

– Вчера вечером. Я не хотел тебя расстраивать под воскресенье, но ты сам позвонил.

– Ладно, пойду сдавать офис.

Симанчук вскинул на него глаза:

– Не обижаешься? Я обалдел, если честно.

– Чего ж тут обижаться, на что? Не ты же решил от меня избавиться, и над тобой есть начальники.

Симанчук с облегчением выдохнул:

– Ты, это... куда пойдёшь?

– Не знаю, я же пенсионер, кому такие нынче нужны.

– Есть одно местечко. Слышал об организации «Лиза Алерт»?

– МЧС? Спасатели?

– Не МЧС, добровольческий поисково-спасательный отряд, осуществляет координацию поисков пропавших людей. Там в их штабе работает Паша, мой деверь, они ищут эксперта по выживанию и безопасности, а ты, я знаю, большой спец в этих делах. Хочешь, я предложу Паше, и тебя туда устроят?

– Подумаю, – пообещал Калёнов, ещё не представляя, что

будет делать дальше и вообще будет ли искать работу.

С одной стороны, у него была неплохая пенсия и он мог не переживать по поводу ухода с работы, зная, что друзья, тот же Болотов, отец Евы, наверняка не оставят его одного. Но с другой – теперь с ним была Ева, женщина яркая и молодая, требующая внимания и соответствующего содержания, и хотя она работала, получая зарплату в аналитическом центре Минобороны как эксперт по перспективным видам оружия, следовало подумать о какой-то подработке. Предложение Симанчука стать сотрудником «Лизы Алерт» лишним не казалось. И всё же Калёнов решил не спешить с решением.

Сдав дела представителю УВД капитану Шапошникову, он прогулялся по окрестностям пансионата, с грустью прощаясь с заведением, где проработал не один год, направился было к машине и вспомнил, что служебный автомобиль ему не принадлежит. Надо было добираться до дома на автобусе или на такси.

Включил айфон, вызвал авто, пользуясь приложением заказа «одной кнопкой». А уже забираясь в подъехавший жёлтый «КИА», снова почувствовал на себе взгляд.

– Минуточку, – остановил он таксиста. – Я позвоню приятелю и поедem.

Вылез обратно из машины, умело оглядывая площадь перед пансионатом, так, чтобы это не было видно со стороны. Взгляд зацепился за белую «Шкоду», стоявшую в ряду машин, ждавших хозяев у входа на территорию пансионата.

Задние стёкла «Шкоды» были затемнены, но через передние было видно, что внутри сидят двое.

На звонок откликнулся Барсов:

– Слушаю, Максим Олегович.

– Меня уволили.

– Поздравляю. Интересно, как всё сразу посыпалось.

– К тому же за мной следят.

Барсов сделал паузу:

– Есть мысли – кто?

– Ни малейшего понятия, заметил ещё вчера вечером. Но я уверен, что...

– Верю безоговорочно. Что предполагаешь делать?

– Хотелось бы убедиться и выяснить, кому я понадобился.

Косте дозвониться не могу, ты свободен?

– В принципе я уволен и ни перед кем отчитываться не обязан. Есть кое-какие дела, хотел закончить, поговорить с Гараниным о планах и так далее. Кстати, Яшутина тоже отправляют в отставку, так что все мы становимся в каком-то смысле изгоями. Но ведь ты звонишь с предложением?

– Сможешь подъехать прямо сейчас?

– Я занят в центре, освобожусь через час, не раньше, но могу прислать Колю Алексеева, ты его знаешь. Капитан – парень надёжный.

Калёнов хотел отказаться от предложения, но подумал о Еве и согласился:

– Пусть подъезжает к дому, дай ему адрес.

– Он знает, жди.

Калёнов сел в такси.

– Поехали, только не слишком быстро.

«КИА» развернулся и выехал на шоссе, соединявшее пансионат с городом.

«Шкода» появилась позади спустя пару минут. Сомнений не оставалось, за Калёновым действительно следили.

– Останови, – попросил он водителя, неразговорчивого, уже немолодого, но явно славянина. – Забегу на минуту в универмаг.

«КИА» послушно встал напротив «Пятёрочки».

Пискнул айфон: пришла SMS от Барсова, он скинул номер телефона Алексеева.

Калёнов набрал номер:

– Николай?

– Да, Максим Олегович, свернул с МКАД, но мне ехать ещё минут сорок, судя по трассе.

– Хорошо, подъедешь к дому – сообщи.

Купив хлеб и молоко, он сел в машину, отметив, что белая «Шкода» не очень умело прячется в конце улицы, и таксист снова повёл свою жёлтую «ракету» к дому, дисциплинированно соблюдая ПДД. Так как машин в воскресенье на улицах Вереи было мало, пришлось выдумать ещё одну остановку – у магазина автозапчастей.

– Вы платите, вам видней, – равнодушно согласился водитель.

Возле прилавка Калёнов покрутился минут двадцать, рассматривая шины и разного рода материалы, после чего велел таксисту везти его по указанному адресу. С момента отъезда от пансионата прошло уже больше получаса, до дома оставалось минут десять, и Алексеев должен был к этому времени добраться до места встречи.

Белая «Шкода» по-прежнему держалась в кильватере, стараясь не приближаться и не отставать от такси. Профессиональной слежку назвать было нельзя, и эта странность озадачила Максима Олеговича. Люди, пустившие по его следу наблюдателей, должны были учитывать его опыт и навыки, а сидящие в «Шкоде» мужчины не особенно-то и прятались, что могло означать: в их задачу не входила серьёзная отработка операции. Кому-то захотелось проверить реакцию полковника ГРУ в отставке, либо, что тоже не стоило сбрасывать со счетов, к слежке были привлечены люди не из спецслужб, которые делали то, то умели. Но менее опасными эти «специалисты» не становились. Какую-то задачу перед ними поставили, и в любом случае на их действия надо было реагировать.

Такси заехало во двор.

Машины Алексеева (он ехал на чёрной «Ауди А-6») нигде не было видно. Калёнову ничего не оставалось делать, кроме как принять вид, что он никуда не торопится. Нацепил гарнитуру беспроводной связи айфона, сел на лавочку, стал копаться в пакете с купленными продуктами.

В ухе пискнуло, затем послышался голос Алексева:

– Я на месте.

– Во дворе? – спросил Калёнов.

– Нет.

– Зайди, оцени белую «Шкоду».

Капитан появился со стороны детского садика, торцом выходящего на пятиэтажку дома Калёнова. Он медленно двинулся вдоль ряда автомашин, остановился у мусорных баков.

– Тачку вижу, сидят двое, неподвижно, как истуканы, смотрят на подъезд. Один поднёс к уху мобилу, но о чём говорит, не знаю, не вижу губ.

– Что предлагаешь?

– Подойти и проверить документы.

Калёнов помедлил:

– Давай подходи со стороны водителя, я подойду с другой стороны.

Алексеев ускорил шаг, обогнул «Шкоду» и щёлкнул ногтем по стеклу дверцы водителя.

– Гражданин, откройте.

Стекло приспустилось, стало видно лицо парня за рулём: расплющенный нос, чёлка, мощные челюсти, запущенная небритость щёк, глаза-щёлочки. Лицо типичного шоферюги без признаков особого интеллекта. Алексеев был опытным физиономистом и легко определил, что перед ним человек с неплохим тюремным опытом.

– Чего надо? – хрипло выговорил водитель.

Капитан показал удостоверение, естественно «легендарное», такие выдавали всем сотрудникам «Рыси» на время операций в России для предъявления в бытовых ситуациях:

– Капитан Млодик, особый отдел СОБР. Предъявите документы, пожалуйста.

Водитель посмотрел на своего напарника.

Тот наклонился, глянув на удостоверение, потом на его владельца.

Мужчине было за сорок, и вид он имел под стать водителю: широкое мятое лицо, землистый загар, узкий лоб, короткая стрижка, выдающиеся скулы, небритые щёки, острый недобрый взгляд.

– Я полковник Бугаев, по какому праву...

Подошедший слева в этот момент Калёнов рывком открыл дверцу машины, протянул руку:

– Документы, полковник.

Ошеломлённый пассажир «Шкоды» дёрнулся, сунул руку под борт пиджака, и Калёнов, как фокусник (отработано десятками тренировок), вытащил из-под мышки небритого пистолет – немецкий «Глок-17».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.